4 названия

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ЗНАЧЕНІЯ, ПОСТРОЕНІЯ И РАЗВИТІЯ СЛОВА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО

И

ПРИЛОЖЕНІЕ СЕГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ КЪ ЯЗЫКУ РУССКОМУ.

Разсужденіе, представленное Кандидатомъ Константиномъ Зеленецкимъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Философскаго Факультета 1 му Отдѣленію, для полученія степени Магистра.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1837.

одно только по-
слѣдовательное видоизмѣненіе чувственныхъ обра-

По опредѣленію Университетскаго Совѣта печатать дозволяется. Декабря 2го дня 1836 года.

Секретарь Совѣта Михаилъ Назимовъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ЗНАЧЕНІЯ, ПОСТРОЕНІЯ И РАЗВИТІЯ СЛОВА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО И ПРИЛОЖЕНІЕ СЕГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ КЪ ЯЗЫКУ РУССКОМУ.

Значеніе слова человѣческаго.

Внѣшнее выраженіе мыслей есть существенно-необходимая потребность для всей дѣятельности мышленія. — Чтобъ надлежащимъ образомъ доказать это положеніе, очевидно, должны мы обратиться къ самому духу человѣческому, какъ источнику всякаго мышленія, — наблюдать его со стороны внѣшней, какъ такой, которая всего болѣе можетъ соприкасаться выраженію, и наконецъ — показать главнѣйшія его свойства въ этомъ отношеніи.

Духъ человѣческій есть исключительный, глубочайшій источникъ мышленія. Напрасно иные Философы покушались построить систему умственнаго и даже всего духовнаго бытія человѣческаго единственно изъ принадлежностей нашего тѣлеснаго организма. Напрасно многіе изъ нихъ хотѣли въ мышленіи видѣть одно только послѣдовательное видоизмѣненіе чувственныхъ обра-

зовъ, какъ бы отлетающихъ отъ предметовъ міра видимаго и внѣдряющихся въ нашъ духъ. Выводы эти, кромѣ того, что были опровергнуты въ другихъ школахъ, опровергаются общимъ смысломъ. Съ другой стороны однакожъ и Философы, мечтавшіе построить систему мышленія нашего исключительно изъ глубины человѣческаго Я, безъ всякой связи сего послѣдняго съ міромъ вещественнымъ, впадали въ другую крайность и также ошибались, хотя съ меньшею обидою для нравственной природы человѣка. Нельзя полагать, что природа и міръ видимый не входятъ въ извѣстной мѣрѣ и въ извѣстномъ смыслѣ въ составъ нашего мышленія. Ежедневный опытъ убѣждаетъ, что возникающія предъ нами явленія въ мірѣ видимомъ отражаются въ сферѣ нашего умственнаго бытія. Далѣе, собственное сознаніе удостовѣряетъ насъ, что весь міръ знанія человѣческаго есть не что иное, какъ мысленное представленіе и какъ бы возсозданіе міра вещественнаго, природы во всей ея нераздѣлимой цѣлости. Изъ этого не слѣдуетъ однакожъ, что бы мысль человѣческая слагалась какимъ либо матеріяльнымъ образомъ. Отъ явленій міра вещественнаго она заимствуетъ не вещественную, тлѣнную ихъ форму, но ту печать мысли, тотъ образъ, коими Всемудрый Зиждитель запечатлѣлъ всѣ свои созданія; — заимствуетъ слѣдовательно только идеальное. Посему — мысль наша есть не что иное, какъ самъ духъ человѣческій, который представляетъ себѣ

какое либо бытіе и который посему находится въ извѣстной, опредѣленной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, ничто, кромѣ таинственнаго организма души человѣка, не содѣйствуетъ процессу мышленія, совершающемуся въ глубинѣ безсмертнаго нашего духа. Ничто не ускоряетъ этого процесса, ничто не имѣетъ на него физическаго, вещественнаго вліянія (*). Мышленіе есть не только дѣятельность духа, но его самодѣятельность; потому что духъ въ самомъ себѣ, въ условіяхъ своей сущности, находитъ всѣ стихіи этой дѣятельности. Результатъ сей послѣдней есть мысль, которая, на основаніи вышесказаннаго, есть самъ духъ, представляющій себѣ какое - либо бытіе.

Вникнемъ теперь въ отношеніе, существующее между самимъ духомъ (его сущностію) и мыслію (его представленіемъ, плодомъ его самодѣятельности).

Существенная сторона духа человѣческаго, какъ основа всего бытія его и всякой дѣятельности, недоступна вѣдѣнію. Сіе послѣднее не обнимаетъ безконечнаго (какова сущность духа) вполнѣ, а только въ конечныхъ, относительныхъ формахъ. Посему, если сущность духа человѣческаго и непостижима въ своей основѣ, то она доступна въ нѣкоторыхъ свойствахъ своихъ. Вывести эти свойства можемъ мы изъ разсматриванія

(*) Слич. Kant's Schreiben an Herren Soemmering, als Anhang zu seinem Organ der Seele. 1796.

самой дѣятельности духа человѣческаго (т. е. его мышленія), руководствуясь при этомъ наведеніемъ, обыкновеннѣйшимъ и потому важнѣйшимъ способомъ Логическаго дѣйствованія.

Въ дѣятельности мышленія, духъ человѣческій проявляется въ ея безконечно-многоразличныхъ актахъ. Другими словами, — мысли его многоразличны до безконечности. Изъ этого заключаемъ мы, что *духъ человѣческій есть существо способное проявлять свою дѣятельность въ безконечно-многоразличныхъ формахъ и актахъ, а потому существо, обладающее творчествомъ неисчерпаемымъ и въ основѣ своей — началомъ безконечнаго пребыванія, если не въ пространствѣ, то во времени.* Такова главная принадлежность духа человѣческаго, разсматриваемаго со стороны его сущности.

Что касается до главнѣйшей внѣшней его принадлежности, то есть, вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ доступенъ онъ внѣшнему, вещественному выраженію, то вопросъ этотъ разрѣшается отчасти изъ положенія, уже выведеннаго нами. То, что въ сущности своей безконечно, можетъ ли имѣть полное для себя выраженіе? Очевидно нѣтъ; ибо въ противномъ случаѣ безконечное содѣлалось бы конечнымъ, т. е. неопредѣленное, неуловимое — опредѣленнымъ, наличнымъ. Слѣдовательно, безконечно-творящему духу человѣческому остается возможность выражать себя только не вполнѣ, т. е. какимъ либо одностороն-

нимъ способомъ (*). И такъ *духъ человѣческій, будучи разсматриваемъ со внѣшней стороны, является существомъ не представляющимъ для себя никакой полной, опредѣленной формы* (**). Повторяемъ, онъ если и опредѣляется ею, то опредѣляется

(*) Дѣйствительно! сколь бы высоко ни было какое либо произведеніе на прим. въ мірѣ изящныхъ искуствъ, — оно всегда, послѣ ближайшаго съ нимъ ознакомленія, дѣлается чѣмъ то обыкновеннымъ, какъ бы наскучиваетъ. Причина этому содержится въ томъ, что въ какой бы мѣрѣ ни выражалась мысль художника въ его твореніи, сіе послѣднее всегда оставляетъ за собою нѣчто невыраженное, невысказанное. Рафаэлева Мадонна выражаетъ всю святость Пречистой Дѣвы; но восторгъ, питаемый наблюдателемъ къ этой картинѣ, длится только до той поры, пока онъ всею душею своею слитъ съ мыслію Рафаэля, пока одна эта мысль занимаетъ его собою. Но едва вниманіе наблюдателя успѣло возвратиться къ себѣ, онъ мыслитъ уже о многомъ, чего нѣтъ въ картинѣ Рафаэля. Вообще въ подобныхъ случаяхъ изъ одной частной мысли духъ переходитъ въ другую, третью и изъ каждой изъ нихъ, какъ бы последовательно съ различныхъ сторонъ, наблюдаетъ безконечную картину бытія. Впрочемъ бренное око человѣческое съ какой бы стороны ни обнимало эту картину — оно никогда не обниметъ ее во всей полнотѣ и съ желанною ясностію. Только части великаго цѣлаго доступны ему; само же оно какимъ то неяснымъ, туманнымъ образомъ запечатлѣно въ сердцѣ человѣка.

(**) Эта мысль, вообще принятая всѣми современными Психологами на Русскомъ языкѣ удовлетворительно пояснена въ переводѣ сочиненія Бахмана: Всеобщ. Начерт.

только въ частномъ видѣ, а посему самому не вполнѣ, односторонним образомъ.

Разсмотрѣвъ свойства духа нашего, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію мысли и къ показанію ея отношенія къ общей сущности духа.

Мы не знаемъ, на какомъ законѣ основывается возможность духа представлять себѣ предметы внѣшніе, равно какъ и то, каковъ внутренній, основный организмъ человѣческаго мышленія. Тѣмъ не менѣе однакожъ мышленіе человѣка не есть результатъ какого-либо вещественнаго процесса, но живая и сознательная дѣятельность его собственнаго духа. Въ этомъ убѣждаетъ насъ во первыхъ неисчерпаемое множество мыслей въ духѣ; во вторыхъ, способность, по коей разумъ можетъ переходить отъ одного представленія къ другому, сколь бы отдаленно ни было ихъ содружество; въ третьихъ, — идеи блага, истины и красоты, которыя хотя и составляютъ верховную цѣль всей дѣятельности мышленія, но обрѣтаются духомъ первоначально только въ его сущности. Духъ мыслитъ самъ собою и мысль его не есть что-либо отъ него отдѣльное, но самъ онъ представляющій себѣ какой либо предметъ, какое либо явленіе. Конечно, каждая мысль человѣка слагается изъ двухъ стихій: а) изъ соб-

---

Теоріи Искуствъ, Москва 1832. Впрочемъ слич. Hegel's Encycl. der Philos. Wissenschaften. Heidelberg. 1832. §. 391 и слѣд.

ственной сущности духа, b) изъ явленій міра видимаго; но эти явленія, будучи восприняты духомъ, какъ матеріялъ, претворяются имъ (помощію мышленія) въ его собственное бытіе, въ его жизнь. И такъ *мысль духа человѣческаго есть самъ же этотъ духъ, только въ какомъ либо ограниченномъ, частномъ видѣ существующій, т. е. представляющій себѣ то или другое бытіе* (*).

Въ какомъ же состояніи находится духъ человѣческій въ самую минуту мышленія, произрожденія мыслей? До этой минуты онъ оставался сосредоточеннымъ въ самомъ себѣ, въ своей безусловной и безразличной сущности. Онъ не сознавалъ себя, потому что, не будучи тревожимъ никакимъ явленіемъ внѣшнимъ и слѣдовательно ничего не противополагая самому себѣ, не имѣлъ въ этомъ надобности. Но явленіе возникло. Духъ, обрѣтая его въ своей сущности, созерцаетъ какъ нѣчто новое, чуждое. Этимъ самимъ безусловная, спокойная сущность его возмутилась. Она пробуждена къ дѣятельности. Первая потребность этой дѣятельности — возстановить прежнюю самобытность духа. Для этого надобно постигнуть явленіе, дать себѣ въ немъ отчетъ, определить, сознать самаго себя вполнѣ. Начи-

(*) Слич. Lehrb. zur Psychologie von J. F. Herbart. Königsberg 1834 г. Zweiter theil. VI Capit. Von der Zusammenwirkung und Ausbildung der Geistesvermögen.

наетпся дѣятельность мышленія. Духъ усвоиваетъ себѣ явленіе и отъ общей сомкнутой въ самой себѣ сущности переходитъ къ возникшему въ немъ представленію. Если можно такъ выразиться, онъ дѣлается весь представленіемъ, мыслію. Эта мысль однакожъ есть только актъ его дѣятельности, только явленіе, возникшее въ его сущности, или говоря вѣрнѣе, только событіе съ сею сущностію, только частное, временное ея состояніе, а не сама эта сущность. Посему то въ мышленіи духъ человѣческій является какъ бы раздвоеннымъ: въ основѣ своей, въ своей сущности онъ остается бытіемъ безконечнымъ, неопредѣлимымъ; въ дѣятельности же своей, въ своемъ мышленіи — бытіемъ конечнымъ, вполнѣ опредѣлимымъ (*). Тѣмъ не менѣе однакожъ обѣ эти вѣтви, т. е. и сущность духа и его мысль, находятся вмѣстѣ, въ одномъ общемъ содержаніи его жизни.

Спрашивается, каково ихъ взаимное отношеніе? Двойство ихъ, которое силился я содѣлать сколь возможно болѣе яснымъ, разрозниваетъ содержаніе духовной жизни человѣка и уничтожаетъ сомкнутое въ самомъ себѣ бытіе духа, его безусловный покой. *Сущность духа и его конечная мысль, находясь вмѣстѣ, требуютъ покрайней мѣрѣ рѣзкаго между собою отдѣленія.* Дѣйствитель-

(*) См: Логики Бахмана Часть первую, Отдѣленіе первое. —

но! выше сего мы уже говорили, что духъ человѣка, чтобы сохранить свою самостоятельность, долженъ понять возникшее въ немъ явленіе, дать себѣ въ немъ отчетъ, опредѣлить его отношеніе къ самому себѣ; а для всего этого ему необходимо, какъ бы исторгнуть изъ себя эту возникшую въ немъ другую половину своего бытія (свою мысль) и созерцать ее, какъ бытіе, хотя произведенное самимъ имъ, возникшее въ немъ самомъ, но совершенно отдѣльное отъ него, самобытное.

Изъ всего этого *очевидна не только потребность, но необходимость внѣшняго выраженія для мышленія.* Повторяемъ, безъ этого духъ долженствовалъ бы сущность свою покорить мысли, унизить себя предъ своимъ представленіемъ, долженствовалъ бы оставаться существомъ страдательнымъ, а это противно его безусловной, божественной природѣ. Въ этомъ то заключается причина, по коей художникъ, не выразивъ своей мысли, всегда остается взволнованнымъ ею. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ яснѣе мысль, тѣмъ болѣе — ея особность, ея отдѣльность отъ всѣхъ другихъ мыслей; но вмѣстѣ съ симъ и тѣмъ болѣе требуетъ поставленія рѣзкихъ границъ между собою и своимъ источникомъ (духомъ), *требуетъ выраженія.* Мысль, только выраженная и посему только доведенная до высшей степени особности, имѣетъ свое достоинство; ибо только въ этомъ случаѣ вполнѣ опредѣляется и дѣлается понятною и ясною.

Такимъ образомъ изъ природы самаго духа человѣческаго, изъ свойствъ самаго мышленія вывели мы (или, по крайней мѣрѣ, старались вывести) необходимость внѣшняго выраженія для нашихъ мыслей. *Изъ всѣхъ способовъ, какими только человѣкъ обладаетъ для выраженія своихъ мыслей, полнѣйшій есть словесный* (*).

Три обстоятельства можно почитать главными причинами того, что для выраженія мыслей словесный способъ болѣе соотвѣтствуетъ разумѣнію. A. Человѣкъ, будучи организованъ для мысли, вмѣстѣ съ симъ *организованъ и для слова.* B. Порывъ духовной природы человѣка въ мышленіи сопровождается и *порывомъ его тѣлеснаго организма въ звукахъ*, выражается въ немъ. C. *Голосъ* человѣка, служащій вещественною основою его слова, *представляетъ собою полнѣйшее разнообразіе* для выраженія всевозможныхъ изгибовъ мысли. Разсмотримъ каждое изъ сихъ обстоятельствъ порознь.

A. Какимъ образомъ можемъ мы представить себѣ перваго человѣка, который конечно первый долженствовалъ употребить слово для выраженія мыслей? Очевидно, если мы называемъ его человѣкомъ, то онъ долженствовалъ уже соотвѣтствовать логическому опредѣленію понятія: „Чело-

---

(*) Tiedemann's Versuch einer Erklärung des Ursprungs der Sprache. 1772.

вѣкѣ," т. е. быть чувственно — разумнымъ существомъ. Мы знаемъ притомъ, что духъ и тѣло связаны въ немъ узломъ самой жизни человѣка его, самого бытія. Безъ даннаго устройства тѣлеснаго могутъ ли существовать въ человѣкѣ его пять чувственныхъ органовъ, а безъ сихъ послѣднихъ возможно ли непосредственное сближеніе познающаго ума человѣческаго съ предметами міра видимаго? Священное Писаніе говоритъ, что человѣкъ, это послѣднее звено творенія, изшелъ изъ рукъ Творца совершеннымъ, что онъ созданъ былъ по образу и по подобію Божію. Изъ этого нельзя не видѣть, что въ первую минуту, какъ только мышленіе пробудилось въ человѣкѣ, какъ только человѣкъ началъ быть человѣкомъ, — органы его слова были уже устроены надлежащимъ образомъ. Голосъ его уже отличался музыкальностью, гибкостью. И такъ слово, въ первую минуту жизни человѣка, уже готово было воспріять ту искру Божественнаго разума, которою Творецъ - Вседержитель озарилъ человѣка.

В. Порывъ духовной природы человѣка въ мышленіи сопровождался порывомъ его тѣлеснаго организма въ звукахъ и выразился въ сихъ послѣднихъ. Въ душѣ человѣка находится узелъ, связующій его безсмертный духъ съ бреннымъ тѣломъ. Въ ней обрѣтается первоначальная основа всякой умственной и тѣлесной дѣятельности нашей. Та и другая притомъ изъ сихъ послѣднихъ выражаются первоначально въ чувствованіи. Дѣятель

ность чувствованія связуетъ умственную съ тѣлесною дѣятельностію человѣка. И такъ первоначальное дѣйствіе образовъ міра внѣшняго на духъ, это первоначальное побужденіе къ мышленію, отразилось въ душѣ человѣка, т. е. въ его глубокомъ, внутреннемъ чувствѣ (*). Сіе послѣднее какъ такое, которое дѣйствуетъ двумя способами: духовнымъ (мышленіемъ) и вещественнымъ (тѣлодвиженіемъ) отвѣчало этому дѣйствію двумя направленіями: направленіемъ мысли, чисто-духовнымъ, и звукомъ, направленіемъ чисто - вещественнымъ. Оба они были равно голосомъ чувства встревоженнаго, возбужденнаго; оба выражали порывъ духа ко внѣшности; оба имѣли направленіе средобѣжное. Порывъ чувства въ мышленіи былъ однакожъ не только несравненно выше, достойнѣе порыва въ тѣлодвиженіи, но сей послѣдній долженствовалъ лишь сопровождать его собою, служить лишь отголоскомъ его, а въ этомъ смыслѣ и выраженіемъ. Изъ всего здѣсь сказаннаго заключаемъ, что духовное чувство человѣка, возбужденнаго къ мышленію, предшествовало сему послѣднему, какъ его основѣ, и потомъ, уже произведши это мышленіе, сопроводило его благороднѣйшимъ и ближайшимъ порывомъ тѣлеснаго организма, порывомъ слова; — сопроводило же потому, что собою, какъ сказано вы-

---

(*) Слич. Histoire naturelle de la Parole ou Grammaire Universelle par Court de Gébelin. Paris. 1816. Гл. V въ Отдѣленіи: Origine du langage.

ше, оно связываетъ духовную и тѣлесную дѣятельность человѣка.

Съ другой стороны, предчувствіе, этотъ тайный голосъ чувства, могъ возвѣстить человѣку, пробужденному къ мышленію, что въ звукахъ своихъ онъ найдетъ полнѣйшій матеріялъ для воплощенія своей мысли (*). Основываясь на этомъ предчувствіи, человѣкъ конечно могъ сопроводить мысль свою звукомъ и выразить ее въ семъ послѣднемъ.

С. Голосъ человѣка, служащій вещественною основою его слова, представляетъ собою полнѣйшее разнообразіе для выраженія всевозможныхъ изгибовъ мысли. Положеніе это столь очевидно, что не требуетъ распространенія въ доказательствахъ въ свою пользу. Стоитъ по этому случаю упомянуть только о различіи между согласными и гласными буквами; о раздѣленіи первыхъ изъ нихъ на шипящія, свистящія, зубныя, язычныя, гортанныя и проч.; о различіи одногласныхъ, полугласныхъ и двугласныхъ между вторыми. Всѣ онѣ вмѣстѣ, въ своей совокупности, составляютъ стройный, правильный организмъ, столь же гибкій, какъ и сама мысль, и столь же какъ она способный къ тончайшимъ измѣненіямъ. Кромѣ того, организмъ этотъ вполнѣ соотвѣтствуетъ организму мысли. Такимъ образомъ гласныя выража-

(*) См. Ballanche. Essai sur la Palingénésie sociale.

ютъ собою преимущественно дѣйствія духа (подлежательную сторону нашего мышленія), согласныя — своимъ столь обширнымъ разнообразіемъ— преимущественно впечатлѣнія природы внѣшней (слѣдовательно предлежательную сторону мышленія).

И такъ *значеніе слова человѣческаго, въ отношеніи къ мышленію, опредѣляется во первыхъ тѣмъ, что внѣшнее выраженіе мыслей есть существенно - необходимая потребность для всей дѣятельности мышленія, а во вторыхъ тѣмъ, что слово есть полнѣйшее и совершеннѣйшее изъ всѣхъ средствъ, какія только существуютъ для таковаго выраженія.*

Построеніе слова человѣческаго.

Реченія сами собою составляютъ простой матеріялъ языка и внѣ собственно словесной формы не содержатъ въ себѣ никакого органическаго устройства. Вся цѣнность ихъ дѣйствительна только въ той мѣрѣ, въ какой они способны выразить самую мысль; но каждое реченіе, само по себѣ, въ своей отдѣльности, не можетъ представить намъ дѣйствій самаго мышленія, не можетъ обнять мысль во всей ея полнотѣ. Оно только указываетъ на предметъ этой мысли, слѣдовательно выражаетъ ее слишкомъ неопредѣленно. Для того, чтобы выразить мысль вполнѣ, нужно предложеніе, эта первоначальная словесная форма. Только въ предложеніи отражается вполнѣ ходъ и дѣйствія нашего мышленія. Далѣе, что реченія внѣ собственно словесной формы, не содержатъ въ себѣ никакого органическаго устройства, — это явственно слѣдуетъ уже изъ того, что измѣняться по родамъ, числамъ, склоненіямъ, спряженіямъ они могутъ лишь въ томъ случаѣ, когда входятъ въ составъ предложенія (*). Возразятъ, можетъ быть, что части рѣчи могутъ измѣняться по ро-

(*) Wolf's Philosophische Grammatik, въ его Vorlesungen über die Alterthumswissenschaft. 1 Band.

дамъ, числамъ и проч., могутъ быть склоняемы или спрягаемы и сами собою, какъ это видимъ мы въ Грамматикахъ, по коимъ учатся дѣти. Должно однакожъ замѣтить, что при этомъ всегда подразумѣвается слово, управляющее тѣмъ измѣненіемъ, коему подвергается данное реченіе. Притомъ же, что́ означаютъ собою голыя измѣненія частей рѣчи по падежамъ, родамъ, числамъ? Очевидно, только извѣстные способы употреблять эти части рѣчи въ извѣстныхъ случаяхъ (*).

И такъ основная органическая словесная форма для выраженія нашихъ мыслей есть предложеніе, коего существенно необходимыя части построенія суть имя и глаголъ. Чтобъ надлежащимъ образомъ доказать эти слова, мы должны обратиться къ самой мысли; ибо слово есть не что иное какъ только ея выраженіе (**).

(*) Это весьма удовлетворительно развито въ Куръ-де-Жебеленовой: Histoire Naturelle de la Parole ou Grammaire Universelle. Paris. 1816, которая есть не что иное, какъ сокращеніе 2 го и 3 го томовъ извѣстнаго сочиненія того же автора: Le Monde Primitif analysé et comparé avec le monde moderne. Не смотря на отсутствіе строгой системы и на взглядъ автора, не совсѣмъ вѣрный, эта книга всегда можетъ быть читана съ пользою.

(**) Въ изданныхъ мною книжкахъ подъ заглавіемъ: *Опытъ изслѣдов. нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ*, я уже имѣлъ случай писать о построеніи слова человѣческаго. Чтобъ остаться вѣрнымъ самому себѣ, я сохраняю здѣсь тѣже положенія и то же ихъ развитіе.

Мышленіе человѣка имѣетъ предметомъ своимъ міръ внѣшній, окружающій его сознаніе. Главнѣйшія условія міра внѣшняго, равно какъ и всего конечнаго, суть *пространство и время*, коими, какъ исключительными координатами, опредѣляется всякое явленіе въ мірѣ видимомъ, всякая жизнь. Изъ этого видимъ мы, что мышленіе наше, какъ воспроизведеніе міра внѣшняго, должно обнимать его съ сихъ двухъ равно существенныхъ сторонъ его бытія, а, по сему самому, содержать въ себѣ и стороны, которыя бы онымъ соотвѣтствовали. Но въ чистомъ видѣ мысли (т. е. въ невыраженномъ ея состояніи), если не невозможно, то покрайней мѣрѣ весьма трудно открыть сіи стороны; потому что каждая изъ нашихъ мыслей, небудучи выражена, есть еще бытіе, не имѣющее полной наличности, бытіе близкое къ неопредѣленности.

Такимъ образомъ мы должны обратиться къ слову, какъ выраженію мысли, и въ немъ отыскивать тѣ стороны, кои въ мірѣ мышленія соотвѣтствуютъ двумъ вышеозначеннымъ координатамъ всякаго бытія конечнаго: пространству и времени. Безъ имени существительнаго и глагола, такимъ или другимъ способомъ взаимно соединенныхъ, не можетъ быть полнаго выраженія мысли (*). *Имя существительное* выражаетъ пред-

(*) Слич. въ Bernhardy: Grundlinien zur Encyklopädie der Philologie (Halle. 1832.) въ Отдѣлѣ: Organon der Philologie, — die Philosophische Grammatik. § 189 и слѣд.

метъ въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ предметъ *содержится въ пространствѣ. Глаголъ* выражаетъ бытіе его во *времени.* Поелику же природа, во всѣхъ своихъ явленіяхъ, предстоитъ какъ нѣчто живое, дѣятельное, и каждое изъ сихъ явленій равно содержитъ, какъ существенныя свои свойства и очертательность въ пространствѣ и измѣняемость во времени; то и мысль наша, какъ впорообразъ сего явленія, можетъ и должна обнимать его только съ обѣихъ вмѣстѣ равносущественныхъ сторонъ его бытія, т. е. со стороны пространства и со стороны времени совокупно. Иначе мысль наша будетъ понимать предметъ не во всей полнотѣ его значенія, — упуститъ ту или другую сторону его существованія.

Посему-то имя существительное и глаголъ суть необходимыя принадлежности не только каждаго предложенія, но и въ отдѣльности каждаго реченія, по мѣрѣ того, какъ это реченіе силится выразить мысль въ формѣ сколько нибудь органической. Слова, разсматриваемыя сами по себѣ, (какъ на примѣръ они разставлены въ Словаряхъ), т. е. какъ простые звуки, какъ матеріалъ, ничего не значатъ: только совокупленныя въ предложеніе они имѣютъ значеніе. (*) Такъ на при-

---

(*) См. Tiedemanns Versuch einer Erklärung des Ursprung's der Sprache. 1772. Bernhardy. стр. 195 сказано по этому поводу слѣдующее: Den Anfang und Stamm dieser Forschung (d. h. der Phil. Gramm.) bildet der Satz, in dessen Einheit jeder element künftiger Redetheile verborgen ist.

мѣръ, если я произношу слово: „камень," то непремѣнно, хотя недовѣдомо для самаго меня, мыслю при этомъ: камень есть" (или „не есть," — но одно изъ двухъ). Иначе, что же будетъ значить произнесенное мною слово; какую мысль будетъ выражать оно? Чтобы понять предметъ, имъ выражаемый, мы должны прибавить по крайней мѣрѣ существуетъ ли онъ, или нѣтъ. Глаголъ *быть* имѣетъ ближайшимъ подлежащимъ все сущее, а потому и называется глаголомъ *общимъ*. Но симъ глаголомъ выражается только самый общій способъ существованія предмета (говоря просто: одно существованіе его); если же мы хотимъ выразить болѣе частное значеніе (состояніе, положеніе) предмета; то должны употребить и глаголъ, имѣющій болѣе частное значеніе. Изъ этого мы заключаемъ, что, подобно тому, какъ каждый предметъ имѣетъ какое либо положеніе или состояніе во времени (покрайней мѣрѣ то положеніе, въ коемъ находится все существующее); такъ и каждое, соотвѣтственное сему предмету имя существительное, имѣетъ свой глаголъ. По крайней мѣрѣ ему приличествуетъ глаголъ „быть" или отрицательная форма его: „не быть". (*)

Произнося имя существительное, мы необходимо предполагаемъ извѣстный способъ бытія или

(*) См. Court de Gébelin, Hist. Natur. de la Parole. Section II. Chap. V.

дѣйствія того предмета, къ коему оно относится. На оборотъ, произнося глаголъ (дѣйствіе), предполагаемъ предметъ, къ коему онъ относится или долженъ и можетъ относиться. Глаголъ выражаетъ собою состояніе или дѣйствіе, а можетъ ли существовать состояніе или дѣйствіе безъ предмета дѣйствующаго, — предмета, который такъ или иначе состоитъ? Поэтому каждая изъ сихъ двухъ частей рѣчи, произнесенная отдѣльно, какъ реченіе (слѣдовательно какъ мысль еще не вполнѣ развитая,) по крайней мѣрѣ предполагаетъ собою другую изъ нихъ. Напротивъ, предложеніе (какъ мысль вполнѣ опредѣленная) безъ наличнаго имени и глагола обойтись не можетъ. Въ этомъ, кромѣ вышепредставленнаго вывода, удостовѣряетъ и сама дѣйствительность. Повторяемъ, какъ въ каждомъ явленіи бытія пространство и время не отдѣлимы между собою, ибо условливаются самимъ существованіемъ сего явленія; такъ и въ каждой мысли, какъ повтореніи извѣстнаго явленія изъ области бытія дѣйствительнаго, должны содержаться стороны, соотвѣтственныя пространству и времени, координатамъ самаго предмета мысли. Глаголъ и имя существительное суть первоначальныя, основныя стихіи слова и координаты мысли, какъ пространство и время — первоначальныя координаты бытія.

Изъ вышеизложеннаго выводимъ мы, что первая органическая форма слова должна необходимо

состоять по крайней мѣрѣ изъ имени и глагола, тѣмъ или другимъ способомъ взаимно соединенныхъ, и что по сему самому она есть не что иное, какъ предложеніе. Далѣе, — если одно простое реченіе органически выражаетъ собою мысль; то оно, по необходимости, предполагаетъ собою другое, по смыслу съ нимъ связанное.

Соотвѣтсвенно существеннымъ категоріямъ нашего мышленія (количеству, качеству и отношенію предметовъ) глаголъ и имя существительное измѣняются для означенія сихъ категорій. Притомъ измѣненіе ихъ по категоріи отношенія опредѣляется взаимоотношеніемъ имени и глагола.

Второстепенныя части рѣчи, изъ коихъ построяется предложеніе, служатъ или: 1) для полнѣйшаго опредѣленія имени или глагола, со стороны количества, качества и отношенія, или 2) для опредѣленія связи между частями предложенія (*).

Имя существительное и глаголъ суть первоначальныя стихіи слова и предложеніе, изъ нихъ составленное, есть какъ бы остовъ всякаго другаго предложенія. Всѣ остальныя части рѣчи

(*) Слич. Bernhardy. Стр. 199. - Вообще можно замѣтить, что Филос. Грамматика, помѣщенная этимъ писателемъ въ его Энцикл. Филологіи, есть, сколько мнѣ извѣстно, одна изъ лучшихъ.

должны быть нами разсмотрѣны, какъ опредѣленія имени существительнаго и глагола, т. е. самаго предмета или его дѣйствія. Посему эти опредѣленія должны быть раздѣляемы также по категоріямъ количества, качества и отношенія.

Прежде мы наблюдали имя существительное какъ простое выраженіе предмета, внѣ отношенія къ признакамъ сего послѣдняго. Теперь обратимъ вниманіе именно на эти признаки предметовъ. Для означенія ихъ существуетъ особый отдѣлъ реченій, *имя прилагательное.* Имя прилагательное есть та часть рѣчи, которая служитъ для опредѣленія какъ внѣшнихъ отношеній и качествъ, такъ и количества предметовъ, выражаемыхъ именемъ существительнымъ.

Прилагательныя, опредѣляющія *качество* именъ существительныхъ, бываютъ, смотря по значенію самаго этого качества, двухъ родовъ. Качество можетъ относиться или къ содержанію самаго предмета (быть собственно качествомъ), или выражать только случайную принадлежность предмета (его обстоятельство). Въ первомъ случаѣ получаются прилагательныя, называемыя *качественными*, а во второмъ прилагательныя *обстоятельственныя.*

Прилагательныя, означающія *количество* именъ существительныхъ, называются *именами числительными.* Они такимъ же образомъ имѣютъ свои отдѣлы. Тѣ изъ нихъ, кои выражаютъ послѣдовательность предметовъ, называются *поря-*

дочными; означающія же собственно количество называются *количественными*. Къ симъ послѣднимъ, какъ къ своему общему, относятся *дробныя* и *собирательныя* числительныя имена.

Мы представили части рѣчи, служащія для опредѣленія имени существительнаго. Теперь естественнымъ образомъ должны обратиться къ той части рѣчи, которая служитъ опредѣленіемъ глагола.

Всякій глаголъ уже самъ собою выражаетъ всѣ принадлежности дѣйствія, имъ означаемаго, какъ то: способъ, мѣру, время дѣйствія и проч. Поэтому для части рѣчи, служащей опредѣленіемъ его, остаются только обстоятельства дѣйствія. Эти обстоятельства состоятъ изъ тѣхъ внѣшнихъ условій, при коихъ дѣйствіе происходитъ и кои выражаются, какъ уже упомянуто нами, *нарѣчіями*.

Нарѣчія такимъ же образомъ подводятся подъ три вышеозначенныя категоріи всякаго мышленія. На основаніи этихъ категорій они раздѣляются на: 1) *нарѣчія качества*, b) *количества* и c) *отношенія*. Сіи послѣднія притомъ раздѣляются на новые отдѣлы.

Предлоги употребляются для означенія взаимныхъ отношеній между предметами въ пространствѣ. Они составляютъ связь сихъ послѣднихъ въ мірѣ слова, и притомъ, какъ мы уже сказали, опредѣляютъ собою эту связь. Посему то во многихъ языкахъ, они замѣняютъ измѣне-

нія окончаній именъ существительныхъ по падежамъ.

Союзы выражаютъ собою взаимноотношенія между дѣйствіями, и, если въ предложеніе входитъ нѣсколько глаголовъ, то составляютъ собою связь между ними. Нѣсколько глаголовъ, какъ нѣсколько сказуемыхъ извѣстнаго имени, могутъ быть только въ предложеніи сложномъ. Посему-то въ семъ послѣднемъ союзы занимаютъ всегда самое значительное мѣсто. Они связываютъ именно части этихъ предложеній, или же предложенія главныя со вставочными.

Наконецъ *Мѣстоименіе* есть добавочная часть рѣчи и служитъ для опредѣленія одного извѣстнаго предмета среди многихъ однородныхъ съ нимъ. Мы сказали, что имена существительныя суть означенія или наименованія предметовъ. Предметы, какъ явленія, непрестанно возникающія въ природѣ и въ жизни человѣка предъ нашимъ сознаніемъ, — безчисленны, несмѣтны. Но эта несмѣтность, эта безчисленность имѣютъ свое ограниченіе. Всѣ предметы, мыслимые нами, находятся въ большей или меньшей однородности между собою, и въ этомъ отношеніи совокупляются въ мышленіи нашемъ подъ извѣстныя цѣлыя, кои въ Логикѣ называются родами и видами. Въ понятіи рода сосредоточиваются существенные признаки извѣстнаго числа предметовъ. Признаки же, по коимъ сіи послѣдніе разнят-

ся между собою и кои составляютъ ихъ недѣлимость, — относительны, преходящи и не имѣютъ для разума большей важности. Поэтому дѣятельность свою разумъ нашъ относитъ преимущественно къ родамъ и видамъ, и въ нихъ наблюдаетъ недѣлимыя. Слово, какъ воплощеніе мышленія, должно отражать въ себѣ и это условіе. Никакой языкъ не содержитъ въ себѣ особыхъ реченій для выраженія предметовъ недѣлимыхъ (исключая лица); но родовыя и видовыя понятія всегда находятъ въ немъ свои наименованія. Единичныхъ изображеній языкъ не имѣетъ: они потребовали бы безчисленнаго множества словъ. Тѣмъ не менѣе бываютъ и довольно часто случаи, когда мышленіе наше наблюдаетъ и родовыя свойства въ недѣлимыхъ, слѣдовательно слово человѣческое должно выражать и сіи послѣднія, какъ составныя стихіи мышленія. Но вмѣсто того, чтобы давать каждому изъ этихъ недѣлимыхъ свое особое названіе, мы употребляемъ его родовое названіе и потомъ особую часть рѣчи для выраженія его недѣлимости. Эта часть рѣчи есть *мѣстоименіе*.

Такимъ образомъ мѣстоименіе служитъ для ограниченія одного извѣстнаго предмета среди многихъ однородныхъ съ нимъ. Ограниченіе это мы можемъ дѣлать трояким образомъ: или посредствомъ *указанія* на предметъ, или — посредствомъ *ограниченія* его въ числѣ другихъ однородныхъ съ нимъ; или наконецъ посредствомъ *исклю-*

ченія его изъ этого числа. На этомъ основываются различные виды мѣстоименій.

Разсмотримъ теперь общія свойства основныхъ стихій слова человѣческаго и постараемся приложить ихъ къ языку Русскому.

Слово, въ простѣйшемъ своемъ значеніи, есть выраженіе и какъ бы полное просіяніе мысли.—Сія послѣдняя всегда относится къ сферѣ предметовъ внѣшнихъ, условливающихъ собою сознаніе человѣка. Поелику же главное свойство всѣхъ сихъ предметовъ въ совокупности есть ихъ множество, ихъ количественность; то въ семъ отношеніи, главное условіе языка есть его *обиліе*. Мы можемъ назвать его внѣшнимъ условіемъ языка потому что оно относится преимущественно къ внѣшней стихіѣ слова, т. е. къ выражающему.

Другое свойство языковъ, условливающееся особенно внутреннею ихъ стихіею (мыслію), есть *сила* слова. Она опредѣляется способомъ представленія тѣхъ предметовъ, кои входятъ въ сферу нашего сознанія. Сила есть очевидно внутреннее свойство слова. Наконецъ *изящество въ благозвучіи* есть свойство, принадлежащее въ большей или меньшей степени всѣмъ языкамъ.

Мышленіе наше объемлетъ собою два міра: вещественный и идеальный. Посему и слово, какъ отраженіе мысли, должно также содержать въ себѣ два отдѣла реченій. Въ первомъ изъ нихъ очевидно должны содержаться слова,

относящіяся къ міру физическому; во второмъ — слова, относящіяся къ міру духовному. Обиліе въ первомъ отношеніи называемъ мы *внѣшнимъ;* а во второмъ — *внутреннимъ.* Внѣшнее обиліе языка имѣетъ мѣсто въ особенности въ томъ случаѣ, когда народъ, который говоритъ симъ языкомъ, обитаетъ на большомъ пространствѣ, ведетъ различныхъ родовъ жизнь, находится въ сношеніяхъ со многими другими народами; однимъ словомъ, когда отвсюду самыя разнообразныя впечатлѣнія поражаютъ его умственный взоръ. —

Условіямъ этимъ вполнѣ удовлетворяетъ языкъ Русскій, коимъ на самихъ различныхъ и обширнѣйшихъ мѣстахъ говорятъ милліоны. Вообще слова видимой природы, при множествѣ областныхъ реченій, составляютъ у насъ обиліе, какое трудно найти въ другихъ языкахъ. Впрочемъ своихъ собственныхъ словъ, относящихся къ торговлѣ, искусствамъ, ремесламъ, различнымъ изобрѣтеніямъ, удобствамъ и пріятностямъ жизни, у насъ находится не много, а потому мы принуждены были заимствовать ихъ у другихъ народовъ, сосѣднихъ съ нами и успѣвшихъ болѣе, нежели мы, въ гражданской образованности. Что касается до внутренняго обилія словъ въ нашемъ языкѣ, то хотя въ наличности оно болѣе скудно, нежели внѣшнее его обиліе; за то представляетъ собою возможность достигнуть высшей степени развитія. Стоитъ только сообразить то безпрестанно увеличивающееся число новыхъ реченій,

которое появляется вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ, самобытныхъ сочиненій на нашемъ языкѣ. Притомъ главный недостатокъ въ семъ отношеніи заключается не столько въ скудости, сколько въ неопредѣленности реченій. Но эти недостатки языка ученаго вознаграждаются у насъ обиліемъ иносказаній, особенно оживляющихъ нашу рѣчь.

Что касается до отличительныхъ свойствъ языка Русскаго въ измѣненіяхъ частей рѣчи *при произведеніи и составленіи новыхъ словъ*; то въ семъ отношеніи онъ имѣетъ много важныхъ особенностей, свойственныхъ только кореннымъ языкамъ. Скажемъ прежде о различныхъ родахъ именъ, а потомъ о глаголахъ.

Имена существительныя въ языкѣ нашемъ производятся и составляются или изъ другихъ именъ существительныхъ, или изъ именъ прилагательныхъ, или изъ числительныхъ, или изъ глаголовъ. Кромѣ того, вмѣстѣ съ другими Славянскими нарѣчіями, языкъ нашъ можетъ удобно замѣнять составныя слова особыми прилагательными. Далѣе, отечественныя имена наши встрѣчаются только въ древнихъ языкахъ; увеличительныя и уменьшительныя имена имѣютъ у насъ разнообразнѣйшія назначенія и составляются съ бо́льшею легкостію, нежели въ какомъ либо Европейскомъ языкѣ. Наконецъ отсутствіе членовъ и предлоговъ при склоненіи, равно какъ и

лишніе падежи, съ одной стороны придаютъ рѣчи гибкость, а съ другой — способствуютъ ея благозвучію. —

Имена прилагательныя составляются и производятся у насъ столь же различными способами. Особенно же изобиленъ языкъ нашъ въ степеняхъ сравненія. *Имена числительныя* въ нашемъ языкѣ раздѣляются на нѣсколько отдѣловъ, кои суть: количественныя, порядочныя, собирательныя и дробныя. Всѣ они рѣзко отдѣляются между собою не только значеніемъ, но и внѣшнею формою.

Мѣстоименія въ нашемъ языкѣ столь же разнообразны какъ по значенію, такъ и по формѣ. Одни изъ нихъ имѣютъ видъ существительныхъ, другія видъ прилагательныхъ. Замѣтимъ еще, что помощію мѣстоименій: сей, этотъ, оный, тотъ,“ мы можемъ въ одно время различать три или четыре лица.

Перейдемъ теперь къ *глаголамъ*. Производить глаголы можемъ мы изъ именъ существительныхъ, прямо изъ предлоговъ, изъ прилагательныхъ, отъ числительныхъ, отъ междометій, даже отъ мѣстоименій.

Составленіе глаголовъ съ предлогами производится въ языкѣ нашемъ съ величайшею удобностію. Прибавимъ еще возможность составлять глаголы начинательные, совершенные; — отличеніе родовъ въ прошедшихъ временахъ; — кратность дѣйствія и проч. — и мы убѣдимся, что глаголы наши

представляютъ величайшія преимущества, какъ въ отношеніи къ своему составленію и произведенію, такъ и въ гибкости измѣненій.

Въ отношеніи къ обилію словъ, должны мы замѣтить объ одномъ безцѣнномъ преимуществѣ языка Русскаго. Оно состоитъ въ томъ, что корни сего языка заключаются въ немъ самомъ или въ языкѣ Славянскомъ, коего только дальнѣйшее развитіе представляетъ собою оный; между тѣмъ какъ многіе изъ языковъ Западныхъ имѣютъ свои корни въ мертвомъ языкѣ Латинскомъ.

Второе условіе совершенства языка, сказали мы, состоитъ въ его *силѣ*, этомъ внутреннемъ его свойствѣ. — Сила языка бываетъ или a) *Лексическая*, словособирательная, или b) *Грамматическая*, словоустроительная. — Первая состоитъ въ коренномъ значеніи словъ и въ опредѣленномъ употребленіи сего значенія; вторая, напротивъ того, въ грамматическомъ построеніи рѣчи.

Что касается до лексической силы словъ, т. е. той, которая состоитъ въ опредѣлительности ихъ значенія; то въ нашемъ языкѣ она находится въ высшей степени. Это доказывается во первыхъ тѣмъ что, какъ только въ рѣчи нашей встрѣчается сколько нибудь неточное употребленіе какого либо слова, рѣчь эта уже становится темною.

Грамматическая сила нашего языка опредѣляется преимущественно тѣмъ, что онъ не нуждается въ членахъ при именахъ; въ предлогахъ въ замѣну измѣненія окончаній по падежамъ; въ глаголахъ вспомогательныхъ при спряженіяхъ. Равнымъ образомъ сіи послѣднія весьма часто обходятся и безъ мѣстоименій. Далѣе, въ языкѣ Русскомъ особенно часто употребляются причастія, а неопредѣленное наклоненіе поставляется вмѣсто подлежащаго.

Въ другихъ языкахъ связь между частями предложенія выражается вспомогательнымъ глаголомъ *быть*. Нашъ языкъ допускаетъ это только въ немногихъ случаяхъ, вообще же не терпитъ. Это свойство однакожъ придаетъ построенію нашей рѣчи особую силу, которой содѣйствуетъ еще и то, что если имя прилагательное поставляется въ видѣ сказуемаго, то оно мѣняетъ свое полное окончаніе на усѣченное. Въ отношеніи къ управленію замѣчательна та особенность нашего языка, что въ немъ одни и тѣже слова, отъ различнаго значенія, получаютъ различное управленіе. — Опредѣлительности нашей рѣчи содѣйствуютъ: построеніе ея, независящее отъ предлоговъ, — родительный, поставляемый послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ, при означеніи части предмета или времени; — управленіе неопредѣленнымъ наклоненіемъ, зависящее отъ различнаго значенія предшествующихъ глаголовъ. — Наконецъ языкъ нашъ поль-

зуется самымъ удобнымъ *словорасположеніемъ*. Притомъ сіе послѣднее опредѣляется у насъ смысломъ самой рѣчи, такъ что одно и тоже реченіе, занимая различныя мѣста въ предложеніи, имѣетъ и различное, болѣе или менѣе важное, значеніе.

3. Третье условіе совершенства языка состоитъ въ его *благозвучіи*. Органу слова человѣческаго даны двѣ стихіи: *гласныя* и *согласныя*. Первыя изъ нихъ выражаютъ преимущественно дѣйствія и движенія духа, (подлежательную сторону нашего мышленія); вторыя напротивъ—подражательно представляютъ внѣшнее, (слѣд. выражаютъ предлежательную сторону мышленія). Первыя образуютъ благозвучіе *эвриѳмическое*, а вторыя—благозвучіе *эвфоническое*.

Главное достоинство языка, въ отношеніи къ обоимъ симъ родамъ благозвучія, состоитъ въ томъ, чтобъ оба они были сколь возможно полнѣе соглашены въ немъ, т. е. чтобы съ одной стороны гласныя отличались мягкостію и плавностію, а согласныя—полнотою и чистотою звуковъ; съ другой же—чтобы переходъ отъ первыхъ къ послѣднимъ былъ сколь возможно легче и яснѣе и не образовывалъ собою какого либо отдѣльнаго, страннаго звука, какъ это встрѣчается иногда въ необразованныхъ языкахъ Азіатскихъ.

Касательно удареній, можемъ мы замѣтить, что самое выгодное, въ отношеніи къ благозву-

чію, мѣсто ихъ находится не въ началѣ реченія, какъ это встрѣчаемъ мы весьма часто въ языкѣ Англійскомъ, или не въ концѣ слова, какъ во Французскомъ, но въ срединѣ; ибо въ семъ случаѣ удареніе вполнѣ уравновѣшиваетъ отдѣльные звуки, входящіе въ составъ реченія.

Отечественный языкъ нашъ неоспоримо удовлетворяетъ всѣмъ симъ требованіямъ. При искусномъ размѣщеніи разнообразныхъ звуковъ, онъ является вполнѣ музыкальнымъ. Съ одной стороны, мы находимъ въ немъ большое число разнообразнѣйшихъ согласныхъ, которыя не запрудняютъ произношенія своею дикостію или странностію, но чистыхъ, полныхъ. Имъ противопоставляются столь же разнообразныя гласныя; такъ что гармоническое соединеніе тѣхъ и другихъ становится совершенно возможнымъ. Съ другой стороны, благозвучіе языка нашего и плавность рѣчи зависятъ отъ искуснаго размѣщенія словъ. Притомъ размѣщеніе это, по гибкости и обилію въ словахъ звукоподражательныхъ, можетъ быть столь же разнообразно. Это легко подтвердить многими мѣстами въ сочиненіяхъ классическихъ прозаиковъ нашихъ и поэтовъ.

Развитіе слова человѣческаго.

Слово современно первому пробужденію мышленія въ человѣкѣ. Человѣкъ только съ той минуты получилъ право назваться симъ именемъ для отличія отъ простыхъ животныхъ, съ которой просіяла въ немъ мысль, этотъ залогъ его небеснаго происхожденія. Пока онъ былъ лишенъ мышленія, лишенъ разума, онъ не былъ человѣкомъ; ибо способность разумѣнія есть единственное и существенное его отличіе. Первое мышленіе человѣческое и первый человѣкъ современны. Итакъ, чтобъ опредѣлить первый моментъ слова человѣческаго, — моментъ, коимъ началось все его развитіе, мы должны прежде обратить вниманіе на свойства самой мысли.

Каждая мысль наша есть бытіе, совершенно *особное*, опредѣленное (конечное), и въ этомъ отношеніи совершенно противоположное характеру *общности* (безразличія), который составляетъ собою отличительное свойство сущности духа. Общая сущность духа нашего и возникшее въ немъ представленіе (мысль) прямо противоположны между собою, и равно находясь въ содержаніи духовной жизни нашей, тѣснятъ другъ друга.

Эта взаимная противоположность сущности духа и возникшаго въ ней представленія (мысли) ведетъ за собою потребность рѣзкаго между ними отдѣленія.

Отдѣленіе это возможно только въ томъ случаѣ, когда мысль получитъ ясное для себя выраженіе. Безъ этого послѣдняго обстоятельства мысль только смущаетъ духъ своею неопредѣленностію; потому что существенное свойство каждой изъ нашихъ мыслей есть особность. Чѣмъ особнѣе мысль, чѣмъ отдѣльнѣе она въ сознаніи нашемъ отъ всего съ нею соприкосновеннаго, тѣмъ яснѣе, опредѣленнѣе она, тѣмъ по бо́льшей причинѣ (a fortiori) она мысль. Величайшую же особность мысль обрѣтаетъ въ своемъ выраженномъ состояніи.

Мысль, какимъ бы то ни было образомъ выраженная, есть слово въ самомъ общемъ значеніи сего послѣдняго; потому что произведенія музыки, ваянія и всякаго другаго искусства равно ясно выражаютъ собою и опредѣляютъ мысль художника. Слово живо какъ жива сама мысль. Оно совершенствуется, утончается, вмѣстѣ съ совершенствованіемъ и утонченіемъ мысли. Изъ всего этого взаимноотношеніе, существующее между мыслію и словомъ дѣлается понятнымъ; — взаимно отношеніе, которое, со стороны слова, опредѣляется выраженіемъ, а со стороны мысли — животвореніемъ и опредѣленіемъ. Звукъ и мысль въ словѣ, какъ тѣло и духъ въ огранизмѣ человѣческомъ, сра-

спаются въ одно живое цѣлое. Таково общее отношеніе мысли и слова. Каково же въ частности было отношеніе ихъ въ первую минуту жизни человѣка, существа мыслящаго и словеснаго?

Первый человѣкъ *мыслилъ*: этого требовала природа его духа, его высочайшая природа. Первое стремленіе мысли было — къ ясности, къ особности, слѣдовательно къ *выраженію*. Съ другой стороны, поелику первый человѣкъ, организованный для мысли, былъ вмѣстѣ съ симъ организованъ для слова; то первый матеріалъ, какой только былъ готовъ для таковаго выраженія, какъ бы для воспріятія въ себя мысли, былъ *звукъ*, звукъ человѣческій, а посему способный ко всякой гибкости, ко всякимъ измѣненіямъ, ко всякому совершенствованію. Явствуетъ, что *первое самобытное проявленіе мысли было проявленіе ея въ словѣ.* Человѣкъ въ первую минуту своего бытія, своего разума, не могъ довольствоваться тѣмъ, чтобы только въ умѣ своемъ сохранять мысль. Какъ нѣчто самобытное, отдѣльное отъ общей сущности духа, мысль эта тѣснила сію послѣднюю и требовала для себя рѣзкой особности — выраженія. Безъ этого условія, мысль должна была, въ противность своей природѣ, требованіямъ своей сущности, или оставаться въ безпрестанной опасности потерять свою самостоятельность въ жизни духа, исчезнуть въ ней, смѣшавшись съ общею, безразличною ея сущностію; или же оставаться бытіемъ неопредѣленнымъ, неяснымъ,

тѣснить собою разумную сущность духа. Духъ, съ своей стороны, не опредѣляя, не сознавая вполнѣ мысль, тѣснящую его умственное бытіе, долженствовалъ, тоже въ противность своей природѣ, оставаться существомъ страдательнымъ. Притомъ же дѣйствіе мысли на общую сущность духа было несравненно сильнѣе въ первыя минуты умственной жизни человѣка, нежели въ то время, когда сія послѣдняя достаточно начала созрѣвать. Потому то не безъ основанія въ прежнихъ философскихъ школахъ полагали, что пробужденіе духа нашего къ мышленію сопровождалось восторгомъ. Надобно однакожъ замѣтить, что мысль, если возникла въ жизни духа прежде нежели явилось слово, то уже самимъ явленіемъ своимъ она условливала сіе послѣднее; ибо мысль только въ предѣлахъ слова есть мысль въ своемъ подлинномъ значеніи.

И такъ *слово современно пробужденію мысли въ человѣкѣ, современно первому человѣку; потому что, повторяемъ мы, то состояніе ея, въ коемъ она не получила яснаго, опредѣленнаго выраженія, противно самой природѣ ея; а ближайшій, естественнѣйшій матеріалъ для этого выраженія, она могла найти только въ звукѣ самаго человѣка.* Подобно тому какъ мысль, рождаясь въ глубинѣ духовнаго организма нашего, составляетъ собою его благороднѣйшій вѣнецъ, звукъ человѣка, исходя изъ глубины его тѣлеснаго организма, всего

болѣе свидѣтельствуетъ о благороднѣйшемъ и совершеннѣйшемъ устройствѣ сего послѣдняго.

Междометіями, какъ звуками, невыражающими никакой опредѣленной мысли, слово начаться не могло. Постараемся доказать это, основываясь на началахъ, уже предложенныхъ выше сего. Обыкновенно думаютъ, что человѣкъ, прежде нежели началъ мыслить, только чувствовалъ, т. е. что прежде нежели разумѣніе его дѣйствовало въ видѣ опредѣленныхъ понятій, оно сокрыто было въ темной области чувства. Выраженіемъ же дѣятельности чувства обыкновенно принимаютъ междометія, конечно въ противоположность слову, какъ выраженію собственно разумной дѣятельности человѣка. Посему, желая доказать что выражать свои мысли человѣкъ началъ не междометіями, а самимъ словомъ, мы должны доказать, что духовная дѣятельность человѣка началась не чувствованіемъ, а разумѣніемъ. Очевидно и то, и другое относится къ одному духу человѣческому— это только различныя его дѣятельности въ различныхъ положеніяхъ. Какъ только человѣкъ явился расположеннымъ, приуготовленнымъ къ мышленію, къ бытію собственно человѣческому, первое, что долженствовало поразить его, было разнообразіе міра внѣшняго. Когда сіи послѣднія возникли предъ явленій духомъ, первая дѣятельность сего послѣдняго, какъ бытія уже самобытнаго и призваннаго къ мышленію, состояла въ отдѣленіи сихъ явленій отъ самого себя, въ противопоставленіи того, что

я тому, что не-я. Это, какъ всѣми признано, есть первый моментъ сознанія, съ коего началась вся духовная дѣятельность человѣка. Сознаніе же могло быть только актомъ разумѣнія, а не чувствованія; ибо человѣкъ, съ первой минуты своего бытія, очевидно со всею ясностію различалъ себя отъ посторонних предметовъ. Если скажутъ, что человѣкъ могъ и чувствовать это различіе, то въ такомъ случаѣ уничтожится всякое различіе между словами: чувствованіе и разумѣніе; ибо то, что ясно (каково на пр. отличіе я отъ не-я), того человѣкъ не чувствуетъ, а ясно понимаетъ. Притомъ, различая себя отъ предметовъ посторонних, духъ человѣка долженствовалъ простерть это различеніе и въ самую сферу явленій внѣшних: чтобы яснѣе сознавать самого себя, онъ долженъ былъ различать и явленія, а для различенія необходимо уразумѣніе оныхъ. Тутъ-то явились чувства собственно человѣческія, каковы чувства печали, радости, любви и проч. Они могли быть только слѣдствіемъ жизни человѣка въ сообществѣ съ другими людьми. Люди же, явясь въ обществѣ, уже были существами разумными, мыслящими, сознавали себя, мыслили и мысли свои выражали въ словѣ. Всѣ эти чувствованія были конечно слѣдствіемъ разумѣнія, размышленія. Святѣйшее чувство, которое возникло въ душѣ человѣка, было религіозное вѣрованіе въ Творца Вседержителя; но это, столь высокое чув-

ство, могло возникнуть только въ существѣ мыслящемъ, уразумѣвающемъ, сознательномъ. Оно было Откровеніемъ Неба, дарованнымъ самимъ Господомъ человѣку, еще близкому къ лону Предвѣчнаго, его впервые возлелѣявшему. Какъ бы то ни было, изъ всего вышеизложеннаго видимъ мы, что всякой первоначальной дѣятельности духа человѣческаго предшествовало сознаніе, дѣятельность разума, который утвердилъ самобытность человѣка; видимъ, что человѣкъ если и чувствовалъ, то чувствовалъ сознательно; — что первымъ актомъ бытія разумнаго, бытія собственно человѣческаго, была мысль. Въ какой же словесной формѣ человѣкъ впервые выразилъ эту мысль? — Форма сія не могла заключаться въ междометіяхъ (*); потому что междометія суть не что иное, какъ голосъ ощущеній сердца, голосъ темнаго чувства; а мы видѣли, что первыя минуты бытія человѣческаго запечатлѣлись мыслію. Намъ могутъ возразить положеніемъ, что и въ междометіяхъ человѣкъ могъ точно также выражать свои мысли; но въ такомъ случаѣ должно уже допустить, что первыя междометія были не только тожественны съ самимъ словомъ по значенію, но и по устройству, которое, условливаясь выражаемою мыслію, долженствовало быть конечно органическое. Ясно однакожъ, что различіе между

(*) Слич. Blair. Cours de rhétorique et de belles-lettres 1 vol.

таковыми междометіями и собственно словесною формою выраженія находится только въ словахъ. Междометія, какъ отдѣльная часть слова, не могли быть первымъ голосомъ человѣка, потому что первая дѣятельность духа человѣческаго была не чувствованіе, но мышленіе, первоначально выразившееся въ самосознаніи.

Да и въ семъ послѣднемъ случаѣ, т. е. если бы человѣкъ началъ свою духовную дѣятельность не разумѣніемъ, а чувствованіемъ; то все это чувствованіе не могло быть простымъ ощущеніемъ сердца, которое всегда есть слѣдствіе тѣхъ или другихъ мыслей, а было чувствованіемъ сознательнымъ и выразившимся въ опредѣленной мысли. Для выраженія же подобнаго чувствованія, междометія недостаточны.

Какъ бы то ни было, мы видимъ, что *главный законъ развитія слова человѣческаго заключается въ томъ, что это развитіе должно, во всемъ своемъ продолженіи, условливаться развитіемъ мысли, и что слово въ свою первую минуту должно было отличаться тою же организаціею, какую находимъ мы въ немъ и въ дальнѣйшихъ степеняхъ его развитія.*

Выше сего старались мы доказать, что слово современно мысли и есть не что иное, какъ ея внѣшнее выраженіе. Теперь, основываясь на семъ послѣднемъ обстоятельствѣ, постараемся найти, въ какой именно словесной формѣ долженствовала первоначально выразиться мысль?

Первоначальною степенью въ развитіи слова человѣческаго была конечно первоначальная его форма: *предложеніе.* Вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ явилось все то, что предполагаетъ оно собою; слѣдовательно — имя, какъ естественное подлежащее, и глаголъ, какъ естественное сказуемое. Прочія части рѣчи возникали по мѣрѣ того, какъ потребность ихъ условливалась развитіемъ мысли. Для того однакожъ, чтобъ доказать это, мы должны, по всей очевидности, обратиться сначала къ природѣ и свойствамъ самой мысли.

Спрашивается, чѣмъ условливается мышленіе человѣческое? Очевидно двумя данными: 1. *духомъ мыслящимъ* (произраждающимъ мысли) и 2. *предметами мыслимыми* (составляющими матерію, предметъ нашего мышленія). То и другое изъ сихъ условій равно участвуетъ въ возникновеніи мысли человѣческой. Нельзя приэтомъ не видѣть, что разумный духъ условливаетъ собою исключительно внутреннюю сторону мысли, само ея бытіе; напротивъ впечатлѣнія міра видимаго, представляя то, о чемъ мы мыслимъ, условливаютъ собою внѣшнюю, образную сторону мысли.

И такъ вся сфера мышленія нашего, разсматриваемая со внѣшней, предлежательной стороны своей, есть не что иное, какъ второобразъ природы внѣшней. Въ сей послѣдней мысль человѣка не можетъ созерцать съ полнымъ соз-

наніемъ ея внутренней (безусловной) стороны, а постигаетъ только конечное (условное) ея бытіе. Другими словами, мысль человѣка непосредственно обнимать собою способна только феноменонъ, а не нуменонъ Природы.

Это неоспоримо въ отношеніи къ міру вещественному; но познающій духъ человѣка, будучи скованъ его тѣлесною природою, столь слабъ, что даже, мысля о духовномъ, лишенномъ всякой вещественной формы, силится придать ему сію послѣднюю, конечно съ тою цѣлію, чтобы тѣмъ легче и удобнѣе созерцать своимъ умственнымъ взглядомъ чувственно - несозерцаемое.

Изъ этого видимъ, что хотя мысль человѣка съ одной стороны, именно какъ произведеніе безсмертнаго духа нашего, есть бытіе безконечное и безусловное, а съ другой, какъ второобразъ явленій природы сотворенной, бытіе условное, конечное и способное познавать только конечнымъ же и условнымъ способомъ. Этотъ конечный и условный способъ познанія заключается именно въ томъ, что разумъ человѣка въ процессѣ своего мышленія старается облекать все, даже относящееся къ міру чисто-духовному, въ какой либо видимый образъ.

Къ мышленію человѣкъ конечно былъ пробужденъ явленіями міра видимаго. Но все то, что обрѣтается въ мірѣ чувственномъ, все то, что существуетъ въ природѣ, какъ явленіе, какъ феноменонъ, подлежитъ, по необходимости, усло-

віямъ пространства и времени. Долженствуя дать себѣ отчетъ въ сихъ явленіяхъ, человѣкъ долженствовалъ вмѣстѣ съ симъ обнять ихъ мыслію своею во всей полнотѣ ихъ существованія, слѣдовательно созерцать ихъ, не только какъ они существуютъ въ данную минуту въ пространствѣ, но и какъ они развиваются во времени; другими словами: онъ наблюдалъ вмѣстѣ бытіе и дѣйствіе, неизмѣнность и измѣняемость сихъ явленій. — Въ мірѣ слова, какъ въ полномъ отраженіи мышленія, очевидно съ перваго раза должны были утвердиться двѣ основныя части рѣчи: имя и глаголъ. Первою изъ нихъ умъ человѣческій обнималъ бытіе предметовъ въ пространствѣ, другою во времени. Поелику же имя и глаголъ, соединенные общимъ смысломъ въ одно цѣлое, производятъ *предложеніе*; то сіе послѣднее конечно *долженствовало быть первою словесною формою, въ которой человѣкъ началъ выражать свои мысли*

Когда въ послѣдствіи мысль начала болѣе и болѣе развиваться, а умъ вмѣстѣ съ тѣмъ углублялся болѣе и болѣе въ бытіе предметовъ, онъ открылъ въ сихъ послѣднихъ новыя стороны, которыя по прежнему онъ сперва различалъ, разобщалъ, а потомъ снова приводилъ къ единству. Но этѣ стороны были уже вторичныя, частныя въ отношеніи къ двумъ первымъ: т. е. сторонѣ органическаго устройства въ пространствѣ и сторонѣ развиваемости во времени.

Эшѣ новыя стороны были: количество, качество и отношеніе предметовъ. Такимъ образомъ возникли: *имена прилагательныя качественныя, количественныя и относительныя*; равно какъ и *нарѣчія качества, количества и отношенія*. И такъ первоначальною словесною формою мысли было предложеніе; а сіе послѣднее впервые организовалось изъ имени и глагола, къ которымъ въ послѣдствіи органически же приросли и прочія части рѣчи.

Слово человѣческое, въ общемъ значеніи своемъ, состоитъ въ тѣхъ общихъ законахъ, по коимъ человѣкъ во всѣ времена и подъ всѣми широтами выражаетъ свои мысли. Но, въ наличномъ проявленіи своемъ, оно разлагается на множество языковъ. Языки же въ свою очередь, разлагаясь на нарѣчія, составляютъ огромное, многовѣтвистое древо. Что касается до того, какія суть именно причины столь обширнаго разложенія одного и того же слова человѣческаго на толикое число языковъ и нарѣчій, то причины эти подводятся подъ двѣ главныя. Изъ нихъ одна есть причина *внутренняя*, производящая различіе въ Грамматикахъ, а другая *внѣшняя*, имѣющая слѣдствіемъ различіе въ Словаряхъ.

Уже нѣсколько разъ говорили мы, что мышленіе наше условливается не только бытіемъ самаго духа мыслящаго, но и предметами мыслимыми, составляющими матеріалъ мысли. Также говорили мы, что основная цѣль всѣхъ дѣй-

ствій мышленія есть полное самосознаніе. Но въ частности къ этой цѣли умъ человѣка направляется болѣе или менѣе различными путями. Пути и направленія эти зависятъ болѣе отъ той организаціи, которую разумъ человѣка получаетъ, переходя отъ общей сферы духовнаго бытія человѣческаго въ тотъ или другой недѣлимый видъ. Такимъ образомъ возникаютъ многоразличныя умственныя организаціи, свойственныя тѣмъ или другимъ народамъ, тѣмъ или другимъ недѣлимымъ. Эта многоразличность даже необходима. Она конечно предполагаетъ собою разносторонность; а какимъ же образомъ можно вѣрнѣе достигнуть цѣли, какъ не направившись къ ней и не обнявши ее съ различныхъ сторонъ? Кромѣ того характеръ умственной организаціи зависитъ еще отъ той степени развитія, на коей вообще находится духовная дѣятельность всего человѣчества (*). Основныя степени таковаго развитія выражаются паденіемъ однихъ народовъ и образованностей, и смѣненіемъ оныхъ другими народами, другими образованностями. Мышленіе, выражаясь въ словѣ, должно отражать въ немъ и свой особенный характеръ. — Такимъ образомъ въ литтературѣ народа можно наблюдать постепенное развитіе его мышленія (**). Въ устройствѣ же языка, коимъ онъ говоритъ, — его умственную организацію.

(*) Слич. Herder's Ideen etc.

(**) Tiedemanns Versuch etc.

Поелику же органическое устройство языка находимъ мы въ его Граммашикѣ; то сія послѣдняя бо́льшимъ или меньшимъ обиліемъ особныхъ оборотовъ и способовъ выраженія, бо́льшею или меньшею силою и кращкостію сихъ оборотовъ, ихъ бо́льшею или меньшею живописностію, показываетъ тотъ или другой характеръ самой мыслящей способности (*). Такимъ образомъ кажется нельзя отрицать, что въ устройствѣ языка древле-Греческаго отразилась вся полнота и гармоническое соглашеніе самыхъ различныхъ стихій въ жизни этого народа (**). Практическій духъ Рима вполнѣ проявился и въ языкѣ его, сильномъ и обиловавшемъ жизнію, какъ и самъ народъ. Языки новой Европы, долженствуя выразить перевѣсъ стихіи чистаго разума, господствующаго и въ мышленіи и въ обществѣ нашемъ, должны были конечно упроститься въ своемъ составѣ соотвѣтственно тому, что и разумъ есть не только общій, но и простѣйшій дѣятель въ жизни духа человѣческаго. Изъ новѣйшихъ языковъ Европы, Италіянскій благозвученъ по преимуществу. Онъ изященъ, какъ изящна сама жизнь этого народа, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ лишенъ силы, какъ можетъ быть и самъ этотъ народъ. Языкъ Французскій обильнѣе въ оборотахъ и сильнѣе,

(*) Wolf. Seite 81. 1 Bd.

(**) Должно въ этомъ отношеніи обратить вниманіе особенно на устройство Греческихъ глаголовъ.

нѣе, нежели Италіянскій. Языкъ Нѣмецкій какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ возвышенной въ идеяхъ, и самой разносторонней въ развитіи, Литтературѣ Германской. Языкъ Русскій строенъ, силенъ и гибокъ, какъ и, въ нравственномъ отношеніи, тотъ народъ, который на немъ говоритъ.

Мы видимъ, что *первая причина развѣтвленія языковъ заключается въ томъ, что мышленіе человѣческое развивается разносторонне и притомъ подъ условіями времени и мѣста*; видимъ далѣе, что *эта причина производитъ собою различіе въ Грамматикахъ*. Разсмотримъ теперь *вторую причину* онаго.

Человѣкъ, въ вещественномъ своемъ составѣ, есть сынъ земли. Она питаетъ его произведеніями своей почвы, — силою тяготѣнія приковываетъ его къ своей поверхности, и до того усвоиваетъ себѣ все его тѣлесное существованіе, что съ отнятіемъ воздуха отъемлетъ у него и жизнь. Это показываетъ, что тѣлесный организмъ человѣка вполнѣ зависитъ отъ свойствъ планеты, и что тѣ или другія частныя свойства сего организма зависятъ отъ тѣхъ или другихъ частныхъ свойствъ земной поверхности. Какъ бы то ни было, *органы слова* суть въ извѣстной мѣрѣ также достояніе нашего тѣлеснаго организма, слѣдовательно, подобно сему послѣднему, во многомъ *зависятъ отъ тѣхъ особыхъ свойствъ почвы и климата, подъ вліяніемъ коихъ рождается и возрастаетъ тѣло человѣчес-*

кое. Различіе органовъ произношенія конечно должно было вести за собою и различіе въ самихъ звукахъ. Съ другой стороны, первоначальному различію языковъ содѣйствовало *различіе впечатлѣній природы видимой*, свойственныхъ той или другой странѣ. Въ этихъ двухъ обстоятельствахъ заключается причина, что иные языки изобилуютъ болѣе плавными, другіе болѣе жесткими, третьи болѣе мягкими звуками. Эта причина производитъ, слѣдовательно, различіе въ Словаряхъ.

Итакъ образованіе языковъ опредѣляется взаимоотношеніемъ и образованіемъ основныхъ стихій слова человѣческаго вообще, кои суть: *мысль* и *звукъ*. Соотвѣтственно симъ основнымъ стихіямъ слова каждый языкъ имѣетъ двѣ стороны: *органическую*, или *грамматическую*, и *неорганическую*, или *лексическую*. Особный характеръ мышленія, свойственный какому либо народу, выражается въ его языкѣ, и преимущественно въ органическомъ устройствѣ сего послѣдняго (въ его Грамматикѣ). Лексическая же сторона въ языкѣ зависитъ отъ времени и мѣста, къ которымъ относится этотъ языкъ, равно какъ отъ его гражданственности и сношеній съ другими народами, — словомъ отъ внѣшнихъ условій его жизни.

Мы видимъ, что Словарь и Грамматика какого либо языка имѣютъ происхожденіе различное. Но мѣра этого различія уменьшится, если вспомнимъ, что и мышленіе, вмѣстѣ съ тѣлеснымъ организмомъ человѣка, во многомъ зависитъ отъ впечатлѣній при-

роды, которая окружаетъ человѣка; что отъ условій почвы, на которой обитаетъ народъ, зависитъ не только степень его вещественнаго благосостоянія, но и нравственной и политической самобытности; что племена, народы не разбросаны по Земной поверхности случайно и какъ нибудь, а размѣщены на ней перстомъ самого Провидѣнія.

Таково первоначальное образованіе языка. Разсмотримъ теперь его развитіе. Если начало, принятое нами, вѣрно; то, по всей очевидности, оно должно быть пригоднымъ и въ настоящемъ случаѣ, т. е. должно объяснять и опредѣлять собою не только образованіе, но и развитіе языковъ. Это потому, что всякое дальнѣйшее развитіе есть только слѣдствіе первоначальнаго образованія и въ немъ одномъ находитъ свое основаніе. Очевидно, въ общемъ развитіи языка, мы должны различать отдѣльное развитіе двухъ главныхъ его сторонъ: грамматической и лексической, какъ такихъ, которыя имѣютъ различное происхожденіе.

Грамматическая сторона языка, какъ сторона его органическаго устройства, развивается въ собственномъ смыслѣ этого слова; потому что устройство это является даннымъ, неизмѣняемымъ съ первой минуты, въ которую народъ начинаетъ пользоваться самобытностію и съ теченіемъ времени только очищается и содѣлывается болѣе явнымъ. Поелику основа таковаго устройства обрѣтается въ самомъ характерѣ народнаго мышленія; то оно дается вмѣстѣ съ симъ послѣд-

нимъ. Какъ только народъ достигнетъ извѣстной степени самобытности или какъ только стихіи его жизни, долженствующія опредѣлить мѣсто, которое займетъ онъ въ политическомъ мірѣ, будутъ даны; тогда нравственная сторона бытія народнаго должна быть уже утверждена на прочныхъ основаніяхъ; ибо въ ней исключительно содержатся стихіи этого рода. Между тѣмъ, какъ только нравственная самобытность народа утвердилась, какъ только утвердилось и слѣдствіе этой самобытности, особность мышленія, — слово, какъ выраженіе дѣйствій сего самаго мышленія, должно уже отражать въ себѣ и характеръ сего послѣдняго. Обороты языка уже въ свою очередь должны быть болѣе или менѣе сильны, болѣе или менѣе живописны, болѣе или менѣе темны или ясны; а всѣ сего рода обороты, выраженія и проч. суть очевидная принадлежность Грамматики. Но первоначально нравственныя, какъ и политическія и физическія силы народа находятся въ состояніи младенчества. Они еще близки къ минутѣ своего возникновенія, а потому не успѣли достаточно обособиться, утвердиться. Также точно тогда не успѣлъ еще обособиться и особый характеръ его мышленія. Онъ еще не сосредоточенъ въ самомъ себѣ; онъ еще не создалъ своего отдѣльнаго міра, своей литературы. Онъ проявляется только въ немногихъ національныхъ произведеніяхъ, каковы пѣсни, религіозные гимны и проч. Поелику же особный характеръ

мышленія не утвердился еще въ самомъ себѣ, то и особный характеръ языка равнымъ образомъ не могъ еще утвердиться. Именно по этой причинѣ формы и обороты языка въ началѣ довольно неопредѣленны. Нѣтъ писателей, нѣтъ литтературы, — нѣтъ и людей, которые бы сознавали эти формы и обороты со всею ясностію. Когда же, съ распространеніемъ образованности, являются писатели; когда литература начинаетъ возникать; когда вмѣстѣ съ этимъ и національный характеръ мышленія начинаетъ болѣе и болѣе проявляться: тогда и языкъ постепенно очищается, постепенно открываетъ въ себѣ бо́льшій и бо́льшій запасъ выраженій, оборотовъ, формъ, кои до того сокрыты были вмѣстѣ съ рѣзкими чертами нравственной и умственной самобытности народа. — Легко подтвердить этотъ выводъ примѣрами. Языкъ Русскій у Ломоносова не столь чистъ, какъ у Карамзина, у Карамзина не столь — какъ у позднѣйшихъ писателей. Вообще должно замѣтить, что Литтературы особенно въ началѣ своемъ обыкновенно подвергаются вліянію другихъ уже образовавшихся литтературъ. Притомъ это вліяніе, простираясь на мышленіе народа, простирается и на его языкъ. Такова судьба, въ этомъ отношеніи, всѣхъ литтературъ Европейскихъ. Вспомнимъ о школахъ Ронсара во Франціи, — Опица, Бодмера, Готшеда въ Германіи, — Ломоносова въ Россіи. Съ утвержденіемъ однакожъ полнаго са-

мосознанія, вліяніе это на мышленіе и на языкъ исчезаетъ. Это самое случилось у всѣхъ только-что приведенныхъ мною народовъ.

Совершенно напротивъ, *Лексическая часть языка не развивается въ собственномъ смыслѣ этого слова. Она* — если только позволено выразиться такимъ образомъ — *неорганически нарастаетъ къ органической его основѣ.* Дѣйствительно! при самомъ происхожденіи своемъ, народъ уже обладаетъ, въ языкѣ своемъ, извѣстною массою словъ. Массу эту онъ получаетъ, какъ бы въ наслѣдство, отъ тѣхъ племенъ, къ коимъ относится его происхожденіе. Въ послѣдствіи, отъ многоразличныхъ условій его собственной жизни, отъ сношеній его съ другими народами, возникаетъ въ немъ, вмѣстѣ съ возникновеніемъ новыхъ нуждъ, новыхъ познаній, и новое множество словъ, прибавляющихся къ первоначальной массѣ. Таковъ основный законъ развитія языка со стороны лексической. Какъ мы видимъ, это развитіе не есть развитіе, въ собственномъ смыслѣ, а *наращеніе*; ибо оно производится преимущественно внѣшними условіями и обстоятельствами, а не совершается помощію какой-либо внутренней, въ себѣ сосредоточенной, дѣятельности. Что касается *до главнаго закона сего наращенія, то онъ состоитъ въ томъ, что всякое новое реченіе, возникая въ языкѣ или переходя въ него изъ другихъ языковъ, приемлетъ на себя внѣшній характеръ и устройство, свой-*

ственные всѣмъ прочимъ словамъ сего языка. Отъ сего-то во многихъ языкахъ существуютъ цѣлыя тысячи словъ иноязычныхъ, но усвоенныхъ ими и наконецъ превратившихся въ ихъ собственный составъ. Всего чаще встрѣчаемъ мы это въ языкахъ позднѣйшаго происхожденія.

На основаніи всего вышеизложеннаго, весьма удобно вывести различные роды сродства, существующаго между языками (*). Сродство это, согласно съ самимъ ихъ образованіемъ, можетъ быть двоякое: *внутреннее*, или *грамматическое*, и *внѣшнее*, или *лексическое*.

Внутреннее сродство языковъ состоитъ въ согласіи ихъ грамматическихъ формъ и оборотовъ. Въ этомъ отношеніи, всѣ вообще языки сродны между собою, ибо во всѣхъ нихъ повторяются одни и тѣже общіе законы слова человѣческаго, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ же изъ нихъ находится свое особое *видоизмѣненіе этихъ законовъ.* Отъ степени сего-то видоизмѣненія и еще болѣе отъ его характера зависитъ большее или меньшее внутреннее сродство двухъ языковъ. Если два какіе либо языка имѣютъ много сходнаго въ оборотахъ рѣчи, въ составѣ именъ, глаголовъ, въ управленіи предлоговъ падежами, однимъ словомъ, много сходнаго въ Грамматикахъ своихъ; то нельзя не заключить, что эти языки близки одинъ

(*) См. Учен. Записки Имп. Московск. Университета, часть 5. Весьма замѣчательны по этому предмету изслѣдованія Ампера.

къ другому по своему происхожденію. Если бы даже они слишкомъ рѣзко разнились между собою въ лексическомъ отношеніи, но вмѣстѣ съ этимъ сохраняли взаимную грамматическую близость; то и тогда ничто не препятствовало бы таковому заключенію, ибо различіе словъ, какъ различіе звуковъ, могло произойти отъ случайныхъ, внѣшнихъ условій, каковы: переходъ изъ одного климата въ другой, по свойствамъ своимъ совершенно противоположный прежнему, — переходъ на новую почву, новое сосѣдство съ народами, совершенно чужеплеменными и проч. (*). Изъ этого мы видимъ, что важнѣйшее значеніе внутренняго сродства языковъ, т. е. ихъ грамматическаго сродства, имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ историческимъ изслѣдованіямъ о происхожденіи народа. Такъ на прим. въ семъ отношеніи было бы весьма поучительно представить сближеніе Грамматики Русскаго языка съ Грамматикою не только языка Санскритскаго, но и — языковъ Латинскаго и Греческаго.

Внѣшнее, лексическое, сродство языковъ состоитъ въ одинаковости корней словъ. Въ строгомъ смыслѣ, оно не имѣетъ такой важности, какъ сродство внутреннее, грамматическое; потому что существенная связь имѣетъ значеніе всегда высшее, нежели связь внѣшняя, а слѣдователь-

(*) Указываю въ этомъ случаѣ на отношенія нашего отечественнаго языка съ одной стороны, къ языкамъ Древнимъ, а съ другой, —къ языкамъ Западн. Европы.

но случайная. Мы же знаемъ, что именно этого рода отношеніе существуетъ между грамматическою и лексическою сторонами языка. Какъ бы то ни было, *въ лексической сторонѣ языка должно различать слова первой необходимости отъ словъ вторичныхъ* и возникшихъ въ послѣдствіи. Таковы въ первомъ случаѣ реченія, относящіяся къ понятіямъ о личности, о существенныхъ нуждахъ, о повсюдныхъ впечатлѣніяхъ природы, а во второмъ—слова, о коихъ понятіе зависитъ отъ гражданственности, свойственной тому или другому обществу, отъ того или другаго времени, мѣста и проч. Очевидно, *первыя* изъ сихъ реченій составляютъ *собственное достояніе народа и* его наслѣдство по происхожденію; между тѣмъ какъ *вторыя — пріобрѣтаются въ послѣдствіи* и преимущественно во время сношеній этого народа съ другими, въ коихъ сферѣ онъ совершаетъ свой политическій циклъ. Согласіе корней, принадлежащихъ первому изъ сихъ отдѣловъ Словаря, очевидно важнѣе, нежели согласіе корней втораго отдѣла; потому что первое относится къ первымъ временамъ бытія народнаго, и слѣдовательно указываетъ на то, что вообще всего болѣе темно въ исторіи политической, т. е. на происхожденіе народа; между тѣмъ какъ второе, будучи слѣдствіемъ позднѣйшихъ сношеній и вообще развитія гражданственности, указываетъ на времена, болѣе доступныя Исторіи.

Изъ всего вышеизложеннаго мы выводимъ заключеніе, что *важнѣйшее сродство между двумя языками бываетъ въ томъ случаѣ: когда они согласны между собою — во первыхъ, въ грамматическихъ формахъ, а во вторыхъ, въ корняхъ реченій, относящихся къ первоначальнымъ понятіямъ каждаго общества*; что этого рода сродство можетъ служить однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ при розысканіяхъ о происхожденіи народа; — что второстепенное, слѣдовательно менѣе значительное, сродство между двумя языками бываетъ въ то время, когда они согласны только въ корняхъ словъ позднѣйшаго происхожденія, — словъ, зависящихъ отъ взаимныхъ сношеній между народами, и сему подобнаго; — что этого рода сродство указываетъ только на позднѣйшія связи и сношенія одного народа съ другими. Замѣтимъ, что перваго рода сродство находится, быть можетъ, между языкомъ Русскимъ и языками древними, а втораго рода — между Русскимъ и ново-Европейскими языками.

Происхожденіе языка Русскаго конечно весьма тѣсно соединено съ происхожденіемъ самаго народа. Сіе же послѣднее составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ предметовъ въ мірѣ Русской учености. Впрочемъ, ктобъ ни были завоеватели Славяно — Русскихъ племенъ, Нордманны ли, Казары ли, или совсѣмъ не было у нихъ никакихъ завоевателей, — во всякомъ случаѣ языкъ Славянскій сохранился на Руси въ достаточной грамматичес-

кой и лексической чистотѣ; такъ что вопросъ о происхожденіи языка Русскаго непосредственно переходитъ въ вопросъ о происхожденіи языка Славянскаго, а сей послѣдній конечно будетъ разрѣшенъ тогда только, когда ученые соотечественники наши, познакомившись достаточно съ языкомъ Санскритскимъ и другими коренными и первобытными языками, потрудятся сдѣлать полный и точный сводъ Грамматикъ и Словарей сихъ языковъ. Что касается до отличій, существующихъ между языкомъ Русскимъ и другими Славянскими нарѣчіями; то сіи отличія возникли только въ различныхъ періодахъ развитія отечественнаго, нашего языка.

Періоды сіи простираются числомъ до четырехъ и суть: 1) періодъ Византійскаго вліянія, 2) періодъ Польско-Латинскаго вліянія, 3) періодъ вліянія Западно-Европейскаго, и наконецъ 4) періодъ самобытности.

Въ продолженіи своемъ, всѣ сіи періоды обнаружили сильное вліяніе чужеземныхъ языковъ на Русскій; потому что писатели наши не только заимствовали слова изъ языковъ, коихъ Словесностямъ слѣдовали, но и вносили въ свои сочиненія цѣлые обороты и грамматическія построенія, принадлежащія этимъ языкамъ. Нельзя сказать, чтобы отъ этого сколько нибудь потерпѣлъ органическій составъ языка; напротивъ чужеязычные обороты, которые сначала въ рѣчи Русской были неестественны и насильствен-

ны, впослѣдствіи, сдѣлавъ нѣкоторыя уступки самому духу языка, усвоились этимъ языкомъ, а симъ самымъ, его обогатили. Мало того, въ борьбѣ съ этими насильственными нововведеніями, языкъ нашъ утончился въ своей основѣ, усилился, уразнообразился. Притомъ же, въ удовлетвореніе самолюбія народнаго, нельзя не замѣтить, что главный характеръ Русскаго языка и Словесности состоитъ не только въ постепенномъ освобожденіи отъ вліянія чужеземныхъ литтературъ и языковъ, но и въ постепенномъ водвореніи грамматической самобытности въ языкѣ, вмѣстѣ съ самостоятельностію въ мышленіи. Такимъ образомъ, въ своемъ первомъ періодѣ, вся наша пысьменноеть была поглощена ученостію Византійскою. Языкъ произведеній письменности, по большей части переводившихся съ языка Греческаго, былъ также подъ рѣзкимъ вліяніемъ сего послѣдняго. Но Польско - Латинское вліяніе уже приблизило насъ къ Европѣ; а вліяніе Европейскихъ Словесностей пробудило потребность самобытности въ языкѣ и литтературѣ, неотъемлемо принадлежащую нашему времени. Бросимъ взглядъ на каждый изъ сихъ періодовъ порознь.

Періодъ Византійскаго вліянія на нашу письменность продолжался до половины XVI ст. Въ это время, хотя уже протекло столѣтіе со времени паденія Византіи; но духъ, водворенный ея святителями въ нашей письменности, оставался еще во всей силѣ. Періодъ этого вліянія можетъ

раздѣлиться на два отдѣленія, именно: 1) до основанія Великаго Княжества Московскаго, или до Митрополита Кипріана, и 2) отъ сего послѣдняго до половины XVI ст.

Къ первому отдѣленію относится довольно много памятниковъ письменности, каковы между прочими: Русская Правда, Лѣтопись, написанная, какъ думаютъ, Преп. Несторомъ, Слово о Полку Игоревѣ и проч.; но всѣ сіи памятники, равно какъ и историческія событія того времени, требуютъ неоспоримо точнѣйшихъ, критическихъ розысканій. Все это отдѣленіе перваго періода есть обширное поле для критики. Впрочемъ важнѣйшій памятникъ письменности сего времени есть переводъ книгъ Свящ. Писанія. Должно замѣтить, что въ переводѣ этомъ удержаны многія Грамматическія формы языка Греческаго, а потому нельзя, на основаніи этого перевода, сказать что либо рѣшительное о первобытномъ языкѣ Русскомъ. Впрочемъ переводъ сей, будучи въ безпрерывномъ употребленіи, не могъ не имѣть сильнаго вліянія на отечественный языкъ; такъ что по сей самой причинѣ многіе обороты языка Греческаго долженствовали быть усвоены въ языкѣ Русскомъ.

Второе отдѣленіе періода Византійскаго вліянія замѣчательно большимъ числомъ ученыхъ богослововъ, жившихъ въ Россіи, сочинявшихъ и переводившихъ различныя духовныя писанія и приходившихъ въ отечество наше большею частію изъ Ви-

зантіи, Сербіи и Болгаріи. Таковы были Митрополиты: Кипріанъ, родомъ Сербъ, Максимъ, род. Грекъ, Епископъ Вассіанъ Рыло, Митрополитъ Макарій и многіе другіе. Вообще въ XIV стол. историческій бытъ Русскаго народа пріемлетъ совершенно новый видъ; ибо политическая самобытность народа Русскаго начинаетъ со всею силою укореняться. Самобытность же политическая ведетъ за собою потребность самобытности въ образованіи, которая условливаетъ собою и самостоятельность языка. Замѣтимъ, что симъ послѣднимъ обстоятельствамъ весьма много содѣйствовало положеніе Москвы, которое, удаляя ее отъ всѣхъ образованныхъ народовъ Запада, поставляло вмѣстѣ съ тѣмъ въ средоточіе всѣхъ Русскихъ Княжествъ, всей Русской жизни, а этимъ, какъ бы уединеннымъ, сосредоточеніемъ народныхъ силъ оно позволяло имъ развиваться свободно и въ своей собственной сферѣ. Въ этомъ отношеніи уединенность и даже дикость положенія столицы была выгодна для отечества нашего; хотя въ семъ послѣднемъ самобытности языка и образованности суждено было быть слѣдствіемъ только долговременной борьбы съ иноземными вліяніями. Кіевъ въ этомъ періодѣ начинаетъ сближаться съ Польшею и пріобрѣтаетъ ея образованность, которою въ послѣдствіи онъ столь рѣзко дѣйствуетъ на Сѣверную Русь. Касательно языка нашего въ этомъ періодѣ, можно вообще сказать слѣдующее. По недостатку

окончательной умственной образованности и народнаго самосознанія, языкъ нашъ находился тогда еще въ состояніи младенческомъ. По сему самому грамматическія формы не могли быть съ должною точностію опредѣлены; а употребленіе словъ и измѣненія ихъ зависѣли болѣе или менѣе отъ произвола. Тѣмъ не менѣе языкъ этого періода, какъ словесное выраженіе одной изъ степеней умственнаго развитія, имѣетъ свои особенности. Сіи послѣднія съ должною отчетливостію не опредѣлены еще въ ученомъ мірѣ, конечно потому, что подобное дѣло можетъ быть слѣдствіемъ только совершенно окончательнаго филологическаго и критическаго разбора письменныхъ памятниковъ того времени. Подобный же разборъ немогъ еще быть сдѣланъ потому даже, что многіе изъ важныхъ памятниковъ языка этого періода почти до нашего времени не были приведены въ извѣстность. Письменные памятники этого періода, касательно языка, могутъ быть раздѣлены на два отдѣла. Къ первому изъ сихъ отдѣловъ относятся духовныя писанія, какъ то: церковныя книги, поученія, посланія святителей, благочестивыя разсужденія и проч. Всѣ они въ грамматическомъ отношеніи не могли не сохранить вліянія Греческаго. Ко второму отдѣлу должно отнести сочиненія свѣтскаго содержанія. Таковы особенно различные роды граммать, дошедшихъ до насъ, равно какъ и произведенія самаго народа, т. е. пѣсни, сказки, пословицы и проч. — На нихъ то филологъ долженъ

обратить особое вниманіе, при опредѣленіи какъ грамматическихъ формъ, такъ и лексическаго значенія словъ Русскихъ въ этомъ періодѣ. Притомъ эти филологическіе выводы должны быть постоянно повѣряемы тѣмъ образомъ мыслей, тѣми понятіями и вѣрованіями, которыя долженствовали быть господствующими въ Русскомъ обществѣ того времени.

Наконецъ должно замѣтить объ одномъ важномъ явленіи собственно народной, умственной дѣятельности въ этомъ періодѣ: я разумѣю — цѣлый міръ пословицъ, изъ коихъ многія дошли до насъ. Это есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи литтературъ. Оно конечно должно имѣть тоже значеніе, какое имѣетъ и народный эпосъ. Только въ семъ послѣднемъ обнаруживается полный перевѣсъ фантазіи, сего дѣвственнаго дѣятеля мышленія; тогда какъ въ пословицахъ — перевѣсъ чистаго практическаго разума, этого высшаго и самаго зрѣлаго дѣятеля въ жизни духа человѣческаго. Изъ сего обстоятельства, видимъ, что въ младенчествѣ нашемъ преемствовала не фантазія, но практическій умъ; а это можетъ многое объяснить въ философической исторіи нашего отечества.

Періодъ Польско-Латинскаго вліянія. — XVI стол. составляетъ собою въ Исторіи Русской литтературы совмѣщеніе двухъ образованностей. Первая изъ нихъ состоитъ въ господствѣ богословскаго Византійскаго вліянія, которое все еще

продолжается и коего средоточіемъ остается Москва. Оно стало искореняться только въ исходѣ XVI и въ началѣ XVII стол. Второе состоитъ въ перевѣсѣ Польско-Латинскаго вліянія, коего зародышъ относится еще къ началу XVI ст. Оно имѣло своимъ средоточіемъ Кіевъ и утвердилось здѣсь съ того времени, когда этимъ городомъ и всею Сѣверскою землею овладѣли Литовскіе Князья. Вліянію этому много содѣйствовало утвержденіе Уніи въ южной Россіи, которое, будучи слѣдствіемъ политики Римскаго двора, не могло не принесть съ собою, въ нѣдра Отечества нашего, ученій западнаго Духовенства. Между тѣмъ въ юго-западныхъ областяхъ Россіи, гдѣ особенно утвердилась Унія, оставалось множество православныхъ Христіанъ (въ томъ числѣ весь Малороссійскій народъ, кровію искупившій свое Православіе). Сіи-то православные Христіане, сохраняя свою Религію, не могли не подчиниться Западному вліянію въ отношеніи къ письменности. Они были въ постоянныхъ сношеніяхъ, частію непосредственно съ Москвою, частію же посредствомъ Кіева, и конечно симъ путемъ усиливали вліяніе Запада на нашу литтературу. Еще болѣе сему вліянію содѣйствовало то, что многіе изъ Іерарховъ Московскихъ, какъ на прим.: Өеофанъ Прокоповичь, Стефанъ Яворскій и друг., получили свое образованіе въ Малороссіи и Польшѣ. Вліяніе Польско-Латинской учености на Русскую образованность продолжалось до начала XVIII сто-

лѣтія, когда Европеизмъ, введенный въ Россію Петромъ Великимъ и утвердившійся въ Петербургѣ, началъ оное мало по малу истреблять. Должно однакожъ замѣтить, что слѣды этого вліянія оставались еще въ Москвѣ до конца XVIII столѣтія.

Это Польско-Латинское вліяніе на нашу письменность и языкъ началось, какъ мы сказали, еще въ XVI ст. Слѣды его встрѣчаемъ мы даже въ сочиненіяхъ Кн. Курбскаго. Но Кіевъ былъ тогда средоточіемъ этого вліянія, и въ немъ оно господствовало со всею силою. Ученые, въ расположеніи рѣчи, слѣдовали конструкціи Латинской, въ рѣчь сію вносили выраженія Польскія. Въ XVII ст. это вліяніе усилилось въ самой Москвѣ, чему съ своей стороны содѣйствовало учрежденіе Славено-Греко-Латинской Академіи, въ коей многіе изъ наставниковъ были по происхожденію Малороссіяне и Бѣлоруссцы, получившіе притомъ свое образованіе въ Польшѣ. Въ этомъ то столѣтіи образовался у насъ такъ называемый *Бѣлорусскій* или *Руській* языкъ, который въ лексическомъ отношеніи былъ не что иное, какъ смѣсь Польскихъ, Латинскихъ и Русскихъ словъ и выраженій, а въ грамматическомъ и риторическомъ—простой и неудачный слѣпокъ съ языка Латинскаго. Впрочемъ въ то время спряженія и склоненія не были съ должною точностію опредѣлены и не имѣли постоянныхъ правилъ. Симъ языкомъ писали: Сильвестръ Косовъ, Петръ Могила, Иннокентій Гизель, Антоній Радивиловскій, Лазарь

Баранович, Симеонъ Полоцкій и другіе духовные писатели, образовавшіеся въ Польшѣ или подъ ея вліяніемъ. Многіе изъ ученыхъ того времени даже щеголяли полонизмами въ своихъ сочиненіяхъ. Замѣтимъ, что это искаженіе языка простерлось, можетъ быть, даже на нѣкоторые памятники древней нашей письменности (*). Къ счастію Польско-Латинское вліяніе на нашъ языкъ дѣйствовало не долго во всей своей силѣ. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. оно примѣтно ослабѣло. Доказательствомъ этому служатъ сочиненія Стефана Яворскаго и особенно Св. Димитрія Ростовскаго, писавшаго, по большей части, на чистомъ Славяно-Церковномъ языкѣ. Даже у Ѳеофана Прокоповича, получившаго свое образованіе въ Польшѣ, встрѣчаемъ большую разницу между первыми и позднѣйшими его рѣчами. Постоянно живя при дворѣ Петра Великаго, въ кругу чисто Русскихъ вельможъ, онъ не могъ не сдѣлать успѣховъ въ языкѣ Русскомъ. На содержаніе и духъ сочиненій этого періода Польско-Латинская ученость имѣла особенно то вліяніе, что утвердила въ нихъ схоластицизмъ, со всѣми его слѣдствіями. Этотъ періодъ, равно какъ и предшествовавшій, изобиленъ діалектическими и богословскими сочиненіями. Причина этому можетъ состоять конечно въ томъ, что Церковь наша была постоянно обуреваема Католическими ученіями, поборники коихъ всячески старались ввести у насъ свою вѣру. Этому со всею силою

(*) Какъ напр. на Слово о Полку Игоревѣ.

и постоянно противодѣйствовалъ истый духъ Русскаго Православія.

Остается сказать о вліяніи Польско-Латинской учености исключительно на духъ Русскаго народа. Въ семъ отношеніи оно было ничтожно, ибо ни народъ, ни высшее сословіе не подверглись ему. Оно исключительно дѣйствовало на Духовенство. Посему-то сіе послѣднее всего позднѣе подчинилось Западно-Европейскому вліянію въ своихъ сочиненіяхъ. Высшее сословіе до Петра Великаго и народъ оставались у насъ въ простотѣ и необразованности. Но эта простота, эта необразованность были спасительны. Надобно замѣтить что отъ этого періода дошло до насъ и нѣсколько отголосковъ чисто Русскаго духа, но они довольно незначительны и тѣмъ болѣе неизвѣстны, что сочиненія, противоположныя имъ по духу, пользуются извѣстностію довольно значительною.

Періодъ вліянія Западно-Европейскихъ Словесностей на нашу отечественную былъ предуготовленъ еще Петромъ Великимъ, хотя начался только въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, геніемъ Ломоносова. Переходъ отъ предшествовавшаго періода къ этому мы видимъ въ сочиненіяхъ Кн. Кантемира, коихъ языкъ носитъ на себѣ рѣзкіе слѣды Польско-Латинскаго вліянія, но кои, вмѣстѣ съ тѣмъ, по содержанію и духу, суть слѣдствіе чисто Европейскаго образованія. Ломоносовъ былъ мы-

слитель самостоятельный, въ строгомъ смыслѣ этого слова; но образованіе, полученное имъ, не отличалось самобытностію мышленія, не было проникнуто глубокимъ, философическимъ духомъ. Тѣмъ не менѣе образованіе это было самое разностороннее, потому что Москва, Петербургъ и Германія того времени конечно долженствовали оставить въ умѣ Ломоносова впечатлѣнія самыя различныя. Главная заслуга сего писателя состоитъ во первыхъ въ томъ, что онъ первый сообщилъ Словесности нашей характеръ совершеннаго Европеизма, и во вторыхъ, что силою своего генія онъ сообщилъ самыя разнообразныя направленія умственной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ: стихотворству какъ и свѣтско-ораторскому искусству, учености какъ и произведеніямъ легкой прозы. Во всѣхъ сихъ сочиненіяхъ однакожъ, въ большей или меньшей степени, Ломоносовъ былъ подражателемъ Европейскихъ писателей. Отъ того-то, хотя, какъ геній первостепенный, онъ и съ ясностію сознавалъ формы и выраженія отечественнаго языка, хотя и обезсмертилъ себя введеніемъ въ немъ тоническаго стихосложенія; но, при всемъ томъ, у него находится множество словъ собственно Славянскихъ, нынѣ неупотребительныхъ, равно какъ и оборотовъ и синтаксическихъ построеній Нѣмецкихъ и Латинскихъ, кои въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ языкъ его даже темнымъ. Подражатели и современники Ломоносова, не имѣя его дос-

тоинствъ, распространили его недостатки, касательно языка. Что касается до благодѣтельнаго вліянія Московскаго Университета на отечественный языкъ, то, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, это вліяніе начинало только утверждаться, и прямыхъ слѣдствій и плодовъ не могло еще имѣть, по причинѣ даже недавняго основанія Университета. Какъ бы то ни было, Ломоносовъ опредѣляетъ собою первую степень развитія и усовершенствованія отечественнаго языка нашего въ третьемъ періодѣ нашей Словесности; — степень, на коей не маловажное значеніе принадлежитъ Сумарокову и другимъ.

Державинымъ, Фонъ-Визинымъ и вообще писателями Екатеринина вѣка, опредѣляется вторая степень этого развитія. На ней, особенно въ легкой прозѣ и въ стихотворствѣ, языкъ нашъ очистился почти окончательно, какъ въ лексическомъ, тамъ и въ грамматическомъ отношеніи. Конечно и въ этихъ отношеніяхъ еще можно найти нѣкоторыя погрѣшности у писателей того времени; но этѣ погрѣшности маловажны и потому не могутъ быть принимаемы въ соображеніе, тѣмъ болѣе, что онѣ имѣли слѣдствіемъ болѣе тяжелость слога, нежели его нечистоту. Очищенію языка нашего въ это время весьма много способствовали благотворныя дѣйствія Россійской Академіи и Московскаго Университета. Россійская Академія, осно-

ванная Императрицею Екатериною Великою, по самому назначенію своему, имѣла цѣлію развитіе и усовершенствованіе языка отечественнаго. Къ этой цѣли она постоянно стремилась и продолжаетъ стремиться всегда со столь же великимъ рвеніемъ, какъ и успѣхомъ. На развитіе языка Русскаго Академія дѣйствовала, если можно такъ выразиться, болѣе теоретически, тогда какъ Московскій Университетъ съ своей стороны болѣе практически. Это теоретическое вліяніе на отечественное слово состояло именно въ изданіи Грамматики языка Русскаго и другихъ полезныхъ книгъ и въ составленіи Словаря, который и доселѣ служитъ еще надежнѣйшимъ руководствомъ въ изученіи отечественнаго слова. Замѣтимъ, что дѣйствія Академіи Россійской были ощутительны и со всею силою распространились преимущественно въ царствованіе Императора Александра Павловича, когда Академія трудами своими успѣла окончательно утвердить свое вліяніе на языкъ во всѣхъ классахъ народа. Съ другой стороны, Московскій Университетъ, какъ мы уже сказали, дѣйствовалъ болѣе практически. Дѣйствованіе это состояло во первыхъ, въ томъ образованіи, которое многіе молодые соотечественники наши получили непосредственно въ самомъ Университетѣ; во вторыхъ, въ образованіи большаго числа достойныхъ учителей и наставниковъ, которые, въ свою очередь, разлили свѣтъ науки и распространили правильное познаніе отечествен-

наго языка по всѣмъ частямъ Имперіи; (*) въ третьихъ, въ образованіи писателей, коихъ произведенія конечно должны быть разсматриваемы какъ плодъ самаго Университета. Съ другой стороны, очищенію языка нашего много, хотя и посредственнымъ образомъ, содѣйствовало распространеніе знаній и искусствъ, которыя обильнымъ потокомъ ринулись въ наше отечество, въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой. Отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ сихъ причинъ, языкъ Русскій, на этой степени своего развитія, оказалъ большіе успѣхи на пути къ совершенствованію, хотя, какъ выше сего уже замѣчено, нѣкоторая нечистота и въ слогѣ и въ самомъ немъ еще оставалась. Но важнѣйшими недостатками его въ то время были, во первыхъ, бѣдность въ лексическомъ отношеніи, и преимущественно въ языкѣ наукъ, знаній и искусствъ, а во вторыхъ, неясное и неопредѣленное сознаваніе формъ и употребленій грамматическихъ. Впрочемъ обратимъ вниманіе и на то, что совершенство въ сихъ двухъ отношеніяхъ есть удѣлъ окончательнаго развитія умственныхъ силъ въ народѣ и періода цвѣтенія въ литтературѣ.

Карамзинъ, особенно позднѣйшими своими сочиненіями и преимущественно Исторіею Государства Россійскаго, составляетъ третью степень развитія отечественнаго слова. Имъ начинается

(*) Замѣтимъ, что этому обстоятельству также много содѣйствовало средоточное положеніе Москвы въ сферѣ Русской жизни.

не только легкая и изящная, но и совершенно правильная Русская проза. На этой степени грамматическая сторона языка нашего уже очистилась и основалась вполнѣ, чего, замѣтимъ мы, прежде не было, хотя въ лексическомъ отношеніи все-еще были недостатки. Они состоятъ, во первыхъ, въ употребленіи нѣкоторыхъ не Русскихъ словъ, кои хотя усвоились было въ языкѣ нашемъ, но излишни; потому что, безъ всякаго ущерба, могутъ быть замѣнены собственно Русскими словами (**), а во вторыхъ въ недостаточномъ количествѣ словъ. Слѣд. все еще остается нѣкоторая бѣдность, особенно въ словахъ изъ міра умственнаго, нравственнаго и политическаго. Заслуга Мерзлякова и писателей, за нимъ слѣдовавшихъ, состоитъ именно въ постепенномъ изглаженіи сихъ недостатковъ и въ возведеніи отечественнаго языка на степень полной правильности и самобытности. Не упоминаю о мужахъ, сему въ особенности содѣйствовавшихъ. Скажу только, что новый періодъ языка нашего и Словесности начался въ благословенное царствованіе Императора Николая Павловича, когда вмѣстѣ съ утвержденіемъ любви и уваженія ко всему національному, начался и періодъ нравственной, литтературной и умственной самобытности.

(**) Таковы на пр. натура вм. природа, талантъ вм. дарованіе., героизмъ вм. доблесть, и друг.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Внѣшнее выраженіе мыслей есть существенно необходимая потребность для всей дѣятельности мышленія.

2. Изъ всѣхъ способовъ, какими только человѣкъ обладаетъ для выраженія своихъ мыслей, онъ преимущественно долженствовалъ избрать словесный, или, выражаясь точнѣе, тоническій способъ.

3. Реченія сами собою составляютъ простой матеріялъ языка, и, внѣ собственно словесной формы, не содержатъ въ себѣ никакого органическаго устройства.

4. Основная органическая словесная форма для выраженія нашихъ мыслей есть предложеніе.

5. Соотвѣтственно существеннымъ категоріямъ нашего мышленія (количеству, качеству и отношенію предметовъ), глаголъ и имя существительное измѣняются для означенія сихъ категорій. Притомъ измѣненіе ихъ по категоріи отношенія опредѣляется взаимоотношеніемъ имени и глагола.

6. Слово человѣческое современно первому пробужденію мышленія въ человѣкѣ.

7. Развитіе слова человѣческаго, во всемъ своемъ продолженіи, условливается развитіемъ мысли.

8. Причины различія языковъ сводятся къ двумъ главнымъ. Мышленіе человѣческое, развиваясь разносторонне и притомъ подъ условіями времени и мѣста, производитъ различіе въ Грамматикахъ. Извѣстное положеніе народа въ Исторіи, климатъ и вообще свойства почвы, на которой онъ обитаетъ, условливаютъ собою различіе въ Словаряхъ.

9. Сродство языковъ, согласно съ ихъ образованіемъ, можетъ быть двоякое: Грамматическое (внутреннее) и Лексическое (внѣшнее). Первое важнѣе втораго.

